

КАТОЛИЦИЗМ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

**Материалы
Межрегионального круглого стола,
посвященного 170-летию издания указа
о постройке католического собора в г. Оренбурге**

Оренбург 2015

Правительство Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

КАТОЛИЦИЗМ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Материалы

*Межрегионального круглого стола,
посвящённого 170-летию издания указа
о постройке католического собора в г. Оренбурге*

Оренбург 2015

УДК 272(470.56)
ББК 86.375(235.557)
К29

К29 Католицизм в конфессиональном пространстве Уральского региона. Материалы Межрегионального круглого стола, посвящённого 170-летию издания указа о постройке католического собора в г. Оренбурге. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – 100 с., 23 ил.

ISBN 978-5-4417-0567-7

В сборнике представлены материалы Межрегионального круглого стола «Католицизм в конфессиональном пространстве Уральского региона» посвящённого 170-летию издания указа о постройке католического собора в г. Оренбурге (28 ноября 2014 г., Оренбург). Книга объединяет научные статьи, освящающие историю и современное положение Римско-Католической Церкви в России и на Урале, вклад её последователей в социально-политическое, научное и культурное развитие страны и региона. Издание адресовано широкому кругу читателей, учёных и специалистов, интересующихся историей и современным положением конфессий на Урале.

УДК 272(470.56)
ББК 86.375(235.557)

ISBN 978-5-4417-0567-7

© Коллектив авторов, 2015

УЧАСТИЕ КАТОЛИКОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С момента своего появления в России католики играли значительную роль в экономике, политике, культуре, образовании Российского государства. Прихожане церковей отказались от культивации конфликта с внешним миром, выбрав путь активной социальной интеграции.

Церковь – это не только высшая иерархия и клир в целом, это и простые миряне, которые воздействовали на историю, социальную и духовную жизнь страны, на ментальность и образ жизни, на становление и развитие государственности, на личное и общественное поведение значительной части граждан. Западные христиане не противопоставляли себя обществу и системе светских ценностей.

На протяжении всей русской истории католики оказывали заметное влияние на формирование мировоззрения российских царей и отдельных государственных деятелей.

Одними из немногих католиков среди ближайших советников царя Петра I являлись контр-адмирал Патрик Гордон и вице-адмирал Змаевич. Так глубоко, как в эпоху Петра, западные христиане ещё никогда не проникали в управление Россией. В конце XVIII века при императорском дворе образовалась очень влиятельная католическая группировка, состоявшая из высшей польской знати и представителей французской дворянской эмиграции. Наиболее ярким примером влияния католиков на российских императоров является судьба генерала ордена иезуитов Гавриила Грубера. Грубер, руководитель Коллегии иезуитов в Полоцке, известный европейский инженер и изобретатель, архитектор и химик, музыкант и художник, врач и дипломат прибыл в Санкт-Петербург в 1799 году для того, чтобы представить Академии наук некоторые изобретения ордена: ножницы для стрижки тонкого сукна, насосы и пр. Иезуит стал любимцем Павла I после того, как излечил от зубной боли императрицу Марию Фёдоровну. С тех пор он имел право заходить в кабинет императора без доклада, лично варил для него шоколад, выступал посредником в переговорах с Наполеоном и обратился к императору в 1800 году с проектом примирения и воссоединения Православной и Католической церковей. Ближайшим другом Александра I являлся католик, князь Адам Ежи

(Юрий) Чарторыйский – один из крупнейших политических деятелей России начала XIX века, член Негласного комитета, в 1804–1806 годах министр иностранных дел России.

Российские католики занимали видные государственные посты, создавали партии и общественные союзы, были депутатами Государственной думы.

На различных этапах Папский Престол и католическое духовенство России активно участвовали в установлении дипломатических отношений, помогали решать проблемы внутренней и внешней политики государства.

Католики играли значительную роль в политической и социальной истории России XIX – начала XX веков. Последним Пермским губернатором до революции 1917 года был католик М. Я. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский, гражданским губернатором Кавказской области в 1844–1846 годах являлся М. М. Ольшевский. В 1913 году в четырёх Департаментах Государственного совета насчитывалось 14 человек римско-католического исповедания, в том числе среди товарищей министров и директоров Департаментов. Депутатом Государственной думы I созыва являлся будущий Могилёвский архиепископ, барон Э. фон Ропп. В Государственной думе III созыва католичество исповедовало 25 человек (в IV Думе – 21) из 440 депутатов¹.

Заметное представительство лиц инославных исповеданий во всех сферах общественной жизни приводило к тому, что они создавали свои общественные союзы и партии, появившиеся в значительном количестве после издания Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года. Например, епископ Э. Ропп основал Конституционно-католическую партию Литвы и Белоруссии, епископ И. Кесслер создал общество «Клеменс», драматург и историк, курат Г. Бератц образовал Народный католический союз в Поволжье и т. п. Католики входили в состав руководства многих общероссийских политических партий.

Католики играли особую роль не только в политическом развитии страны, они составляли военную элиту России и прославляли силу русского оружия. Широкое иностранное представительство среди генералитета 1812 года вызвало волну недовольства русского офицерства: из 550 генералов 117 имели европейское происхождение². Известность на службе в российской армии получили генералы-католики Н. Г. Петрусевиц, С. Т. Циолковский, П. И. Рокасовский и др.

Представители западных христианских конфессий являлись членами правящей династии, были близкими родственниками короно-

ванных особ, входили в число придворной знати.

Ещё древнерусские князья заключали династические браки со многими влиятельными родами латинского исповедания. Например, польский король Болеслав Храбрый выдал свою дочь за сына князя Владимира; русский князь Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа; сыновья Ярослава выбрали в жёны сестру трирского католического епископа Бургарда и дочь саксонского маркграфа Оттона и т. д. Причём дочери русских князей, выходявшие замуж за латинян, обязательно принимали римский обряд, а дочери западных князей могли сохранять на Руси свою веру. Всего в XI–XIII веках было заключено 29 династических браков с католиками (из них 21 брак с русскими княгинями и 8 с русскими князьями)³. Православная церковь в то время не выступала против заключения подобных союзов. В последующем браки православных с католиками стали редкостью, одним из единичных случаев был брак дочери Ивана III Елены с «латынником» – литовским князем Александром Казимировичем. Смешанные в религиозном отношении браки были законодательно разрешены Петром I в 1721 году.

Невозможно переоценить значение, которое оказали российские католики на российскую культуру, науку, образование.

В 863 году на Руси появились создатели славянской азбуки и проповедники христианства братья-апостолы Кирилл и Мефодий. По одной из версий, Святой Мефодий был епископом, рукоположенным по западному обряду⁴. Не случайно, тексты славянской литургии для благословения братья возили не в Константинополь, а в Рим, а мощи Св. Климента, найденные в Корсуне (Херсонесе), привезли Римскому Папе⁵. Позднее православными летописцами ставилось под сомнение общение братьев-просветителей с западным христианством в целях утверждения идеи изначального главенства на Руси греческой церкви⁶.

Итальянские архитекторы-католики, работавшие в России в конце XV – начале XVI веков, – П. А. Солари, Алевиз Фрязин⁷ (Алоизий де Карезано), Антоний Фрязин, Бон Фрязин, Алевиз Новый и др. руководили строительством грандиозного Московского Кремля, сооружали дворцы и церкви для русских государей⁸. Профессором архитектуры Санкт-Петербургской Академии художеств с 1759 года являлся француз, католик Ж.-Б. Валлен-Деламот, которого можно по праву считать первым архитектором, работавшим в России в стиле классицизма. Создателем русского барокко являлся другой знамени-

тый католик – В. В. Растрелли. Из онемечившейся семьи французских гугенотов происходят художники и архитекторы Брюлловы.

Западные христиане внесли свою лепту и в просвещение России. В 1490–1548 годах в Москве жил лейб-медик, астролог, переводчик и публицист из Любека Николай Булев (Бюлов), служивший Папе Римскому Юлию II. Булев являлся придворным врачом Василия III и присутствовал при его смерти. С целью просвещения граждан Московии он перевёл на русский язык не только книги богословского содержания, но и трактат о времяисчислении, медицинский «Травник» и астрологический альманах. Булев, известный в Москве под именем Николай Немчин, оказал значительное влияние на московскую интеллигенцию своими проповедями о «православии» Римской церкви⁹.

Католики начали играть всё более заметную роль в русской науке и культуре в результате реформ Петра I. Особенно сильное влияние оказали иностранцы на отечественную науку после создания Санкт-Петербургской Академии наук в 1725 году. В 1725–1799 годах из 111 академиков Российской Академии наук 71 были католиками или протестантами.

Неоценима роль католиков в развитии высшего образования в России. Особого внимания заслуживают многочисленные доктора наук и профессора, труды которых получили всемирное признание¹⁰. Неоценимо влияние польской католической интеллигенции – музыкантов, врачей, учёных, инженеров, военных на культурно-цивилизационное развитие России. Наиболее известные из них – живший в России и сблизившийся с декабристами, поэт, основоположник польского романтизма Адам Мицкевич; историк, краевед, географ Северного Кавказа И. В. Бентковский, один из первых экологов России И. М. Воропай, основатель анапского курорта В. А. Будзинский и многие другие. Один из первых книжных магазинов в Сибири открыл в 1876 году пермский католик – И. Пиотровский. Мало кто знает, что настоящее имя писателя-романтика Александра Грина – Гриневский, и что он родился в католической семье. Сосланным в Сибирь полякам суждено было стать в этих краях носителями европейской культуры¹¹.

Несомненно заметное представительство католиков во всех сферах экономической жизни страны.

Иностранцы католического исповедания внесли значительный вклад в развитие промышленности, торговли, горного дела в России, в создание Уральского и Алтайского горнообогатительных округов. С

1744 года все алтайские рудники и заводы были переданы в распоряжение католика А. В. Беэра. Около 6 % составляла в начале XX века доля католиков и лютеран среди сибирского купечества. Ведущие позиции в российском бизнесе занимал финансово-промышленный концерн Вогау, а в российском банковском деле – банкиры Юнкеры¹². С 1853 года Карл Сименс возглавил в России отделение старейшего германского электроконцерна Сименс. Собственные фабрики в стране имели ведущие химические концерны БАСФ, Хёхст и Байер.

Существенное влияние оказали католики на становление и развитие отечественной медицины.

Начиная с XVI века руководство медицинскими службами России было сосредоточено в руках выходцев из западноевропейских государств. Первым врачом на Алтае с 1749 года был католик Цедеркопф, создавший в Барнауле медицинскую службу. По всей Астраханской губернии с 1758 года пациентов лечил доктор медицины, настоятель капуцинской миссии о. Ромуальд а Понто. Одни из первых аптек в России были открыты католиками в Барнауле в 1752 году, в Астрахани в 1762 году.

Символом бескорыстного служения обществу является жизнь доктора медицины, статского советника, филантропа и общественного деятеля, католика – Фридрих Гааза. «Святой доктор», считавший, что преступники стали жертвами отсутствия религиозного воспитания, перестроил Бутырскую тюрьму, добился отмены жестоких мер наказания к осуждённым, основал ряд больниц, приютов, богаделен и передал всё своё имущество арестантам и заключённым¹³.

Западные христиане создали в России свою собственную, поражающую многообразием сеть благотворительных обществ.

Если до середины XIX века церковная благотворительность была направлена только на прихожан своего исповедания, то позже – на всех нуждавшихся, без учёта конфессиональной принадлежности.

Наибольшее число благотворительных учреждений имелось у лютеран. Процесс официальной регистрации в государственных органах католических обществ милосердия сталкивался с большими трудностями¹⁴. Например, в Москве такое Общество было открыто в 1862 году, но легальный статус оно получило лишь через 20 лет. Одесские католики подали прошение генерал-губернатору о разрешении на создание детского приюта «Орфелината» в 1857 году, а смогли основать его только в 1873 году. В Сибири подобные общества появились лишь в 90-е годы XIX века¹⁵. Таким образом, сеть католических благотворитель-

ных учреждений в стране была менее обширна, чем лютеранских; их распространение относится лишь к концу XIX века. Правительство опасалось польского характера подобных обществ, культивировавших национальные традиции. Католикам запрещалось без разрешения гражданской власти производить сборы денежных пожертвований¹⁶.

К концу XIX века у Римско-католической церкви России появился целый комплекс учреждений, которые в зависимости от рода деятельности можно условно классифицировать на следующие группы:

- общества, предоставлявшие ночлег и пристанище бездомным и нищим – приюты (для детей, женщин, мужчин, прислуги, гувернанток, больных и пр.), ночлежки и богадельни;

- общества, способствовавшие в поиске работы и предоставлявшие работу не имеющим её и бездомным – работные дома, дома трудолюбия, бюро по трудоустройству;

- общества, оказывавшие материальную поддержку различным категориям лиц и организациям – союзы помощи бедным и кассы взаимопомощи (для приходов России, для бедных прихожан, для пасторов и пр.);

- учреждения, предоставлявшие медицинские услуги, – госпитали, лазареты, больницы, родовспомогательные дома, санатории;

- организации, выполнявшие задачу духовно-нравственного и религиозного воспитания – попечительства, общества (юношей, молодых девушек, защиты женщин и пр.) и миссии;

- школы, занимавшиеся обучением и воспитанием подрастающего поколения (для детей бедных родителей, для сирот и пр.)¹⁷.

Помимо деятельности всевозможных обществ, церковная благотворительность развивалась по другим направлениям и имела иные формы: создание временных комитетов помощи голодающим, сборы благотворительных пожертвований в пользу заграничных миссий, социальное и пенсионное обеспечение священнослужителей и членов их семей и пр.

Значительный вклад в развитие социально-экономической жизни страны и её духовной культуры внесли католические священники.

Католическое духовенство пользовалось уважением и почётом. Многие священники являлись прекрасными врачами, агрономами, поэтами. Благодаря своим разносторонним знаниям они помогали прихожанам в пчеловодстве, растениеводстве и сельском хозяйстве.

Организатором революционного крестьянского союза в 1844 году в южных районах Королевства Польского был сосланный царским

правительством на каторгу польский ксендз Пётр Сцегенный, военным министром Вильнюсской области в период восстания 1863 года в Польше являлся причисленный ныне к лику святых священник И. Р. Калиновский.

К римско-католическому вероисповеданию принадлежали известные дворянские роды.

Защита вероисповедной свободы в России стала делом жизни рода Волконских (среди которых предводители дворянства, писатели, историки, публицисты, военные дипломаты, театральные деятели). Принявшая католичество в 1887 году княгиня Елизавета Волконская («самая опасная женщина в России», по выражению К. П. Победоносцева) стала первой женщиной в России, серьёзно занимавшейся богословскими вопросами. Католиками были предки композитора Д. Шостаковича. Многие католические роды были известными филантропами. Крупные пожертвования делали московские предприниматели-католики: генерал О. Августинович, нефтепромышленник Л. К. Зубалов, бельгиец Л. Тимистер, француз О. Т. Лутрейль. Видным благотворителем и меценатом был крупный золотопромышленник, генерал А. Ф. Шанявский. На его средства содержались Женские медицинские курсы в Санкт-Петербурге, были построены гимназия для бурятов в Иркутске и сельскохозяйственная школа в Чите, здание Благотворительного общества помощи бедным римско-католического исповедания в Москве, открыт Университет им. Шанявского (ныне Российский государственный гуманитарный университет)¹⁸.

Таким образом, нельзя игнорировать то влияние, которое оказали носители западно-христианского типа ментальности – деятели культуры и науки, чиновники, ссыльнопоселенцы на формирование облика российской действительности. Однако роль западных христиан в российской истории не исчерпывается именами выдающихся личностей и не может измеряться лишь вышеуказанными примерами. Католицизм влиял как на формирование системы ценностей, на самосознание народа, так и на реальную жизнь во всём её многообразии, а также в целом на историю различных этнических и социальных общностей. Католицизм, как и лютеранство или православие, не был элитарной конфессией, не являлся исповеданиями высших слоёв общества.

Большую часть католиков составляло крестьянство Российской империи, которое занималось сельским хозяйством, ремёслами, ра-

ботало на мануфактурах. Простые прихожане, наряду с православным населением, способствовали освоению сельскохозяйственных земель, участвовали в колонизации Сибирского края, основав в конце XVIII – XIX веках сотни иностранных колоний в Поволжье, в Причерноморье, на Дону и Кавказе, под Санкт-Петербургом и в других регионах дореволюционной России. После восстания в Польше 1863 года как насильственный, так и вольный характер носили миграции в Сибирь из европейской части России польских переселенцев-католиков. Католики, вступая в многообразные социальные отношения, способствовали развитию российского общества.

Перечисленные факты свидетельствуют о многообразном вкладе западных христиан в политическую, экономическую, культурную жизнь российского общества. Католицизм оказал многостороннее воздействие на индивидуальное, этническое, общественное сознание в целом, на правосознание и способ хозяйствования, на ментальность и духовные искания, на социально-политические ориентации и типы общественного поведения исконно католических народов, населявших Российскую империю. Велика их роль в собирании и сбережении культурного наследия, в характере произведений литературы и искусства, в обеспечении материальных условий для создания и сохранения культурных ценностей ряда этносов России. Всё вышесказанное подтверждает тезис о традиционности католицизма в нашей стране.

Примечания:

1. Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. – СПб.: Редакция газеты «Речь», 1912. – С. 126; Павельева Т. Ю. Польская фракция в Государственной Думе России 1906–1914 гг. // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 114–115.
2. См.: Безотосный В. М. Немцы на военной службе России в Москве // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы: Сборник докладов Межд. науч. конф., посвящённой 850-летию Москвы. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 1997. – С. 214.
3. См.: Синайский А., свящ. Отношения древне-русской церкви и общества к латинскому западу (католичество) (X–XV вв.): Церковно-исторический очерк. – СПб.: Типография СПб. Акционерного общества «Издатель», 1899. – С. 127.
4. См.: Егоров В. Б. Русь и славянство: между Востоком и Западом. Краткое введение в философию религиозной политики. – Обнинск: Принтер, 2001. – С. 26, 117.
5. См.: Иоанн Павел II. Апостолы славян // Иоанн Павел II. Мысли о земном / Пер. с польского и итальянского. – М.: Новости, 1992. – С. 332.
6. См.: Воронов А. Д. Кирилл и Мефодий: главные источники для их истории. – Киев, 1877; Бильбасов В. А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам и западным легендам. – СПб., 1868–1871. Ч. I, II.

7. Фрязин – общее наименование для всех католиков-итальянцев в России.
8. См.: Флоря Б. Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Московский Кремль. Музеи: Материалы и исследования. Вып. III. Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. – М.: Искусство, 1980. – С. 12–18; Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. – М.: Искусство, 1983. – 504 с.
9. См.: Булев А. О. // Немцы России = Die Deutschen Russlands: Энциклопедия / Редкол. В. Карев и др. – М.: ЭРН, 1999. – Т. 1. А–И. – С. 282.
10. См., например: Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете. – М.: Христианское издательство, 1997. – 180 с.
11. См.: Кучинский А., Романов П. С. Сибирь в истории и культуре польского народа / Пер. с польского. – М.: Ладомир, 2002. – 576 с.
12. См.: Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. – М.: РОССПЭН, 1998. – 367 с.
13. В 1995 году в Апостольской Администрации для католиков европейской части России был начат процесс беатификации доктора Ф. Гааза.
14. См.: Романов П., Романов С. Католическая благотворительность в России // Католическая энциклопедия. – М.: Издательство Францисканцев, 2002. – Том 1: А–З. – С. 607–608.
15. См.: Недзелок Т. Г. Благотворительные и культурно-просветительные организации римско-католиков в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Костёл католический. – Вроцлав, 2002. – С. 134.
16. Ангельский филиал Государственного архива Саратовской области (ЭФ ГАСО). Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.
17. Politisches Archiv des Auswartigen Amtes. Berlin. Deutschland. PAAA. Kult. Pol. VI A. R 61977.
18. См.: Романов П., Романов С. Католическая благотворительность в России // Католическая энциклопедия. – М.: Издательство Францисканцев, 2002. – Том 1: А–З. – С. 607–608.

Лутцев М. В. (г. Оренбург)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ (К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ИСТОРИИ)

Прошло уже более тысячи лет с 988 года, с момента одного из наиболее важных в российской истории событий – Крещения Руси, однако спор об этом не утихает до сих пор. Почему киевский князь Владимир выбрал для себя и своего народа именно восточный (греческий) вариант христианства, отвергнув другие весьма влиятельные и популярные в то время религии – ислам, иудаизм, католицизм? Что им двигало: случайный эмоциональный порыв (понравилась красота гре-

ческого богослужения) либо политический расчёт (в православии национальная церковь только номинально подчиняется византийскому патриарху, фактически же – главе государства)? Но, так или иначе, судьба Руси была определена на долгие столетия.

А менее чем через столетие, в 1054 году произошло не менее грандиозное событие, теперь уже для всего христианского мира – распад прежде единой христианской церкви на две самостоятельные ветви: православие и католицизм («великая схизма»). Причинами для распада единой прежде церкви формально стали накопившиеся различия в проведении религиозных служб. Так, западные христиане к середине XI века осуществляли молитвы на латинском языке, восточные – на греческом, церковнославянском и др., первые молились сидя, вторые – стоя, либо на коленях, первые осуществляли крещение в одно погружение, а вторые – в три; первые признают «непорочное зачатие» Девы Марии, вторые – нет; первые признают «филиокве» (происхождение Святого Духа от Бога-Отца и Бога-Сына), для вторых – это «ересь» и т. д. Наконец, признаваемый западными христианами тезис о непогрешимости римского папы и его верховенстве над руководителями других христианских церквей оказался неприемлем для иерархов восточных церквей, в первую очередь – для патриархов Константинополя, которые сами претендовали на эту роль или, по меньшей мере, ставили себя на уровень, равный с епископами Рима.

Впрочем, расхождение в «чисто богословских» вопросах, это лишь видимая часть возникшего «айсберга». Его «подводная часть» заключается в политике. Распад единой прежде христианской церкви на православие и католицизм происходил на фоне усиления роли и влияния католической церкви в Западной и Центральной Европе и значительного роста могущества института папства, претендовавшего уже не только на духовную, но и светскую власть над всем христианским (а возможно, и нехристианским миром). Крестовые походы – прикрытые религиозными лозунгами военно-коммерческие экспедиции западноевропейских светских и церковных феодалов с целью подчинения мусульманского Восточного Средиземноморья, стали зримым проявлением этих притязаний папства на мировое господство. Провал этих экспедиций против мусульман привёл к переориентации этих походов на земли Восточной Прибалтики, населённые язычниками (поморскими и полабскими славянами, пруссами, эстами, ливами, куршами, земгалами и др.), которые были более удачными. Успех этой экспансии привел к её расширению также на территории, входящие в

орбиту Православной цивилизации: славянские государства Балканского полуострова, Византию (четвёртый крестовый поход 1204 года, приведший к взятию и разгрому Константинополя) и Русь. Со временем между католическим «Западом» и православным «Востоком» образовалась глубокая цивилизационная «трещина», которая со временем только усиливалась. Русь, по воле истории, оказалась именно на этой «трещине». И именно Ватикан стоял за всеми агрессивными намерениями западных феодалов (шведских, немецких, а впоследствии литовских и польских) завоевать православные русские земли.

Агрессия Запада по ряду причин была для Руси, пожалуй, более опасной, нежели даже угроза с Востока, со стороны Орды. Европейцы (англичане, французы, немцы и другие) к этому времени уже признавали друг в друге равных, принадлежащих к единой, западнохристианской цивилизации, и даже если и воевали между собой, придерживались не писанных, но уже устоявшихся правил средневековой феодально-христианской этики. Война стала забавой «благородного сословия», в собственно боевых действиях принимали участие уже не народы, а только феодалы и их окружение. Победители могли ограбить и лишить собственности побеждённых, но не могли превратить их в рабов. поголовное истребление побеждённых противников, широко распространённое в раннем («языческом») Средневековье, уже не практиковалось. Однако, в отношениях с «язычниками» никаких норм и запретов не существовало. Их следовало покорять и уничтожать так, как это сделали датчане и саксонцы с полабскими и поморскими славянами, Тевтонский орден с пруссами и т. д. А православные «схизматы» для папского Рима и его последователей были ещё хуже, чем язычники, и отношение к ним должно было быть соответствующим.

Военно-политическое давление Запада на русские западные и северо-западные земли (Псков, Новгород), началось уже с начала XIII века. После покорения пруссов, эстов и других прибалтийских племён Ливонский орден («филиал» немецкого Тевтонского ордена в Восточной Прибалтике), располагавший значительной военной силой, постоянно пополняемой за счёт крестоносных «добровольцев» из различных стран Западной Европы, жаждавших наград, как духовных (прощения грехов), так и чисто материальных (новых земель и крепостных), начал военную экспансию уже против русских земель (1223 год – взятие рыцарями русского форпоста в Эстонии г. Юрьева). Крупное боевое столкновение на р. Эмайыге в 1234 году с объединён-

ными суздальско-новгородскими войсками закончилось для немцев разгромом, однако отнюдь не остановило их попыток завоевания Северо-Западной Руси.

Новая попытка нанести решительный удар по Руси была предпринята после монголо-татарского нашествия. Едва на Западе стало известно о страшном разгроме главных союзников Пскова и Новгорода – Северо-восточных русских княжеств и гибели в битве с татарами на берегах Сити большей части феодального воинства Северо-Восточной Руси, в том числе и владимирской великокняжеской дружины, как духовный глава Западного мира папа римский объявляет крестовый поход против русских «схизматиков», чтобы огнём и мечом немецких, датских и шведских крестоносцев привести их в объятия «истинной» (католической) церкви.

Разгром шведов в Невской битве (1240 год), Ливонского ордена на льду Чудского озера (1242 год) Александром Невским и в Раковорской битве (1268 год) его сыном и отвлечение главных сил Ордена на борьбу с Литвой и Польшей привел к тому, что натиск крестоносцев на Псков и Новгород несколько ослабел, но совсем не прекратился. В XV веке, после поражений в борьбе против польско-литовско-русского государства, особенно после военной катастрофы под Грюнвальдом (1410 год), Орден вновь усиливает военно-политическое давление на Русь. В 1447 году Ливонский орден, получив помощь из Пруссии, вновь вторгается в новгородские земли и вновь получает вооружённый отпор. Второе в XV столетии крупное столкновение Ордена с Русью происходит в 1480 г, когда все основные военные силы Московского великого княжества были сконцентрированы на берегу реки Угры против татар хана Большой Орды Ахмата. В это время крестовая армия атакует псковские земли. И вновь неудачно.

Не меньшая, а возможно большая, чем немецкие рыцарские Ордена, опасность нависла над зарождающейся государственностью Великороссии с Запада в виде недавно образовавшегося Великого княжества Литовского. Угроза порабощения и физического уничтожения со стороны немецких рыцарских орденов заставила разрозненные литовские племена (жемайтов, аукшайтов и др.) объединиться и создать сильное в военно-политическом отношении государство, доказавшее свое право на существование разгромом ордена меченосцев в битве при Сауле в 1236 году. Татаро-монгольское нашествие обошло Литву стороной. Уцелевшие от монгольского погрома западнорусские земли: Полоцко-Минские, Гродненские, Турово-Пинские, Берестейско-

Дорогиченские и другие земли будущей Белоруссии вместе с коренными, литовскими составили впоследствии политическое и экономическое ядро Великого княжества. На усиливающееся молодое государство обращает внимание Ватикан. После провала агрессии на Северо-Запад Руси шведских крестоносцев и Тевтонского ордена «святой престол» в лице папы Александра IV (1255 год) подстрекает к нападению на Русь литовцев, (заметим, в это время ещё язычников, а не католиков). Цель, как говорится, оправдывает средства.

Уступая русским землям в экономическом и культурном отношении, Литва, как и любое молодое государство, превосходило их в военно-политическом. Великие князья литовские (особенно со времён Гедимина и Ольгерда), заручившись союзом с Польшей, не только сдержали агрессию Ордена, но и осуществили широкую экспансию ряда территорий Малой и Великой Руси (Чернигово-Северских земель, Волыни, Подолья) а также Киева и Киевщины. Оккупация Литвой наиболее богатых и плодородных земель бывшей Киевской Руси позволила молодому государству не только стать самым крупным в Восточной Европе по количеству населения и уровню экономического развития. Нанеся ряд поражений татарам (наиболее существенное – при Синих Водах в 1362 году), Литовское государство сумело освободить от ордынского ига и значительную часть западнорусских земель (разумеется, сразу поставив их под свой собственный контроль). Военная защита их со стороны Литвы в немалой степени способствовала их более быстрому экономическому и культурному развитию в сравнении с Северо-восточными русскими землями, оставшимися под контролем Орды, но политическая независимость их была утрачена на долгие столетия. Если в «языческой» Литве положение православного населения было сносным (по крайней мере, в религиозном плане их не преследовали), то после польско-литовской унии и принятия литовцами католичества ситуация изменилась к худшему. Для Средневековья фактор религиозной принадлежности был важнейшим, а учитывая конкуренцию Литвы (позднее католического польско-литовского государства) с православной Москвой, он вообще стал определяющим: православный в католической стране был априори под подозрением, как потенциальный предатель, равно как и католик в Русском государстве.

Разрыв с Константинополем, связанным Флорентийской унией 1439 года с западным католическим миром, привел к тому, что русская православная церковь становится «автокефальной», то есть самоуправ-

ляемой в национальном масштабе. Дальше – больше. В 1453 году турки завоевывают Константинополь («второй Рим паде»). Весь остальной православный мир: южнославянские земли, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и др. оказываются под пятой иноземных и иноверных поработителей: либо католического польско-литовского государства, либо мусульманской Османской империи. Не успев встать на ноги и достаточно окрепнуть, молодое централизованное Русское государство оказалось единственным в мире православным государством, оплотом мирового православия, хотя теория псковского старца Филофея о Москве как о «Третьем Риме» стала более известной и распространённой значительно позже, чем тогда.

На Западе в течение всего Средневековья светская и религиозная власти, будучи относительно автономными друг от друга, конкурировали между собой за первенство в обществе. Католицизм, организованный по принципу интернациональной иерархической структуры, оказывал идейную поддержку тому католическому монарху и в той мере, в какой его цели соответствовали намерениям Ватикана, и в какой он шёл внутри страны навстречу пожеланиям иерархов церкви. Монархи, в свою очередь, с одной стороны, стремились этой поддержкой заручиться, с другой, если предоставлялась возможность, сами пытались поставить церковь под контроль. Попеременно поддерживая ту или иную власть, все сословия западного общества имели свободу манёвра и могли выбивать себе сословные права и привилегии. Власти же (как светская, так и религиозная), чтобы не потерять свою легитимность, вынуждены были эти права соблюдать.

Для православной России и её правителей, таких «если» просто не существовало, хотя попытки предпринимались. Так, в конце XV – начале XVI веков впервые возникает вопрос о взаимоотношениях между православной церковью и Русским государством, выразившийся в религиозно-политических диспутах «нестяжателей» («заволжских старцев» в лице Нила Сорского и его последователей), отстаивавших позицию разграничения сфер деятельности государства и церкви и подчинённости константинопольскому патриархату, и «иосифлян» (Иосифа Волоцкого и его сторонников), выступавших за союз церкви и государства. Победа иосифлян, поддерживаемых государственной властью, в споре с нестяжателями укрепила этот союз, обеспечила молодое государство мощной духовно-идеологической базой в лице национально ориентированного православия, хотя при этом на несколько столетий пресекла линию на духовное совершенствование русского общества.

Итак, Россия, ставшая единственной православной страной, вынуждена была занять «круговую оборону» на несколько столетий. И если борьба с мусульманским Востоком, при всей его жестокости и кровавости, всё-таки не угрожала самой независимости России, то противостояние с католическим Западом во многом стало смыслом выживания России на период XV–XVII веков.

О состоянии последнего в начале XVI века следует сказать особо. На первый взгляд именно в этот период Ватикан находился на вершине своего могущества. Подавлены плебейские ереси, поставлены под контроль непокорные короли и феодалы. Всё, вроде бы, в порядке, лучшего и желать нечего. Но именно в этот период католицизму был нанесён сильнейший удар изнутри. В 1517 году М. Лютер, начав борьбу с наиболее негативными проявлениями католичества в Европе (торговля индульгенциями, коррупция, невежество, пьянство и разврат духовенства), прибав к стенам своей церкви знаменитые «95 тезисов», вызвал такую антикатолическую волну, от которой зашаталась цивилизационная устои всего тогдашнего западноевропейского мира. Идеи Лютера, подхваченные и развитые Ж. Кальвином, У. Цвингли, Д. Ноксом и другими «реформаторами», стали основой грандиозного всеевропейского движения Реформации, поддержанной как «сверху» (королями и князьями), так и «снизу» (различными слоями плебса). Реформация явно застала католическую церковь врасплох и вырвала из-под её контроля обширные территории Северной, Западной, частично Центральной Европы, лишив её огромных доходов.

Опомнившись от первого шока, католическая церковь переходит в «контрнаступление» и частично восстанавливает свои позиции: Юг, большая часть Центра и часть Востока Европы остались католическими. Это «восстановление утраченного» происходило как старыми, проверенными способами («огнём и мечом», с помощью инквизиции и войск Испании, Австрии, Баварии, Польши и других, оставшихся верными «святому престолу» монархов), так и новыми, самым, эффективным из которых стал орден иезуитов. О последних следует сказать особо. Именно они подхватили пошатнувшееся знамя католицизма и понесли «свет истинной веры» туда, где он «погас» (то есть на территорию протестантов), и туда где его никогда не было. Вездесущие иезуитские проповедники, организованные по военному принципу, под видом самых разных людей – торговцев, военных, врачей, появились в миссиях в Китае, Японии, образовали даже свое государ-

ство в Парагвае, с единственной целью: расширения и укрепления господства католической церкви.

Ну и, разумеется, разбежавшиеся по всему свету последователи Игнатия Лойолы не могли пройти мимо своего соседа – огромной, сказочно богатой «варварской» Московии, погрязшей в «византийской схизме» и упорно не желавшей принять святое причастие из рук «наместника святого Петра» и поцеловать его туфлю. Как известно, «цель оправдывает средство», не зря этот лозунг приписывают именно иезуитам. Россия, как известно, не приняла положений Флорентийской Унии 1439 года, поддержанной византийской церковью и осталась верной православной религиозной идеологии. До поры до времени Ватикану, занятому своими внутриевропейскими проблемами, было не до России, но после определённых успехов Контрреформации о ней вспомнили. Во второй половине XVI века давление на Россию с Запада вновь усилилось. Оно было как мирным, дипломатическим (Ватикан через посольства призывал Россию принять Унию и объединить усилия со всей Европой в борьбе с главной на тот момент угрозой христианскому миру – Турцией), так и сугубо военными. Именно Ватикан стоял за всеми агрессиями на Россию с Запада XVI–XVII веков. И так уж угодно было распорядиться истории, что «остриём меча» «святого престола», направленным против России, стала её западный сосед – Польша.

О российско-польских отношениях и их роли в более масштабных отношениях России с Западом вообще следует сказать особо. Теплыми они не были никогда (с первыми польскими королями Пястами за приграничные земли воевали ещё первые киевские Рюриковичи), но это были обычные приграничные феодальные войны за земли с живущими на них работниками, которые неоднократно переходили из рук в руки. Религиозный фактор определяющей роли в тот момент не играл. Иное дело, когда в Польше победила Контрреформация и для папского Рима она стала «возлюбленной дочерью», опорой в Восточной Европе, цель которой – нести свет «истинной веры» русским «схизматам».

С этого момента русско-польские отношения стали окончательно враждебными, причём эта вражда носила уже характер идеологический: с одной стороны – Польша с её католическим клерикализмом в его крайней иезуитской форме, с другой – Россия с идеологией православного мессианизма, с претензией на универсализм в рамках всего христианского мира («Третий Рим», как носитель единственно пра-

вильного христианства). Идеологические войны, да ещё те, в которых роль идеологии играет религия, – важнейший фактор самоидентификации, как известно, самые жёсткие, в них нет места компромиссу и миру. Именно Ватикан (в лице иезуита Поссевино) стоял за спиной иезуитского воспитанника С. Батория в Ливонской войне, именно он посылал в Россию самозванцев в период Смуты, а когда эта авантюра провалилась, напрямую поддержал агрессию Польши против Московского царства.

Россия в этот период находилась на грани катастрофы. Но народ, руководимый полководческим талантом Дмитрия Пожарского и организаторскими способностями Козьмы Минина, а в большей степени своим патриотизмом, сумел отстоять свою страну. Патриотические круги православной церкви вновь были вместе со своим народам, борясь с врагом не только крестом и молитвой, но в случае необходимости и мечом. Патриотические письма Авраамия Палицына, упорство патриарха Гермогена в отстаивании интересов православия помогли сделать главное: Россия преодолела смуту и вышла из неё хотя сильно ослабленной, но, тем не менее, независимой и православной.

Немного оправившись от последствий Смуты, Россия переходит в контрнаступление. Религиозный фактор доминирует и здесь. Русские цари, взявшие на себя роль единственных истинно христианских владык, уже не скрывали своих намерений стать во главе всего Православного мира. Именно с этой целью в 1589 году в Москве учреждается патриаршество. Однако у этих намерений был серьёзный противник – католическая Польша, в состав которой на тот период входили обширные территории современных Украины и Белоруссии с преимущественно православным населением, и расставаться с ними Польша отнюдь не собиралась. С целью разрыва духовных связей своих православных подданных с единоверными великорусами на подконтрольной территории в 1596 году создаётся Брестская Уния и начинает активно внедряться униатство – «слияние» православной и католической церковью на условиях признания верховенства римского папы над всем христианским миром при сохранении православной обрядности. И если русская элита восприняла это достаточно лояльно, или, по меньшей мере, нейтрально, то в низах, особенно в казацких, это вызвало протесты, перераставшие в целую цепь восстаний и бунтов, жестоко подавлявшихся польскими и собственными властями.

Одно из таких казацко-крестьянских восстаний на Украине под руководством Б. Хмельницкого в своих результатах зашло настолько

далеко, что речь шла уже не только об облегчении и улучшении жизни православного населения на Украине, но и о выходе из-под власти Польши. Однако освободиться самостоятельно, без помощи извне не удавалось. Хмельницкий обращается за помощью и покровительством к московскому царю. Для России, ещё не оправившейся от недавно закончившегося «Смутного времени», это непростое решение, оно неизбежно ведёт к войне с сильным противником, но Россия идёт на него во имя защиты своих «православных братьев». Воля царя и Земского собора, представляющего русский народ, здесь едины. Переяславский договор 1654 года – это веление истории.

В дальнейшем, после петровских реформ, в истории русско-католических отношений будет ещё немало резких поворотов. Сторонники петровских преобразований (Феофан Прокопович и другие) высказывали идеи подчинения церкви государству и превращения её из самостоятельного института в особое государственное учреждение. В результате этих реформ церковь была превращена в составную часть государственного аппарата, в институт оправдания его внутренней и внешней политики. Она вынуждена была выполнять ряд несвойственных ей функций: регистрацию брака и смерти, ведение метрических книг, организацию народного образования и т. д. Было ликвидировано патриаршество, его заменило новое высшее церковное учреждение – Синод. Содержание служителей культа господствующей православной церкви, строительство, ремонт и содержание церковных и монастырских строений, оплата миссионеров производились за счёт средств государства. Оно также оказывало церкви и юридическую поддержку. Всякое выступление против господствующей православной церкви расценивалось как преступление государственное и наказывалось самым жестоким образом вплоть до ссылки на вечное поселение и каторжные работы. За своё духовное господство в обществе православная церковь платила юридическим подчинением государству, которое боялось самостоятельной церкви не меньше, чем проявлений разного рода инакомыслия, подрывавшего основы самодержавия. В конечном счёте, подчинение церкви государству привело к тому, что выигрывало не только государство, но и сама церковь, которая получала колоссальные возможности оказывать своё влияние на значительную часть населения России, будучи мощной идеологической силой в обществе.

Однако этот процесс имел и негативные последствия. Превращение священников в чиновников привело к резкому падению авторитета церкви в глазах верующих. Как следствие – отход от неё значи-

тельной массы населения. «Низы», недовольные усиливающимся социальным гнетом, который церковь вынуждена была оправдывать, уходили «в раскол», либо в секты, получившие широкое распространение именно в этот период. «Верхи» же, получившие возможность ездить в Европу, познакомившись там с новой, неизвестной ранее культурой, нередко переходили в католичество. В числе этих «перекрещенцев» были весьма высокопоставленные вельможи из знатнейших родов – князья Долгорукие и Голицыны. Неудивительно, что в постпетровский период на территории России активизируются католические миссионеры (как тайные, так и явные) и вновь поднимается вопрос об Унии. Впрочем, после воцарения Анны Иоанновны, дамы грубой и невежественной, но при этом активной сторонницы неограниченного самодержавия (частью которого к тому времени стала православная церковь), эта деятельность была пресечена и в дальнейшем на территории России стала невозможной.

Новый этап сложных православно-русских и римско-католических отношений начинается в конце XVIII века. В вековом «споре славян между собой» история присудила победу России. Польша была побеждена и поделена между Россией, Австрией и Германией. Эти разделы Речи Посполитой и сегодня ставят в вину России (правда других участников раздела поляки предпочитают не замечать). В результате этих разделов в состав России входят обширные территории с католическим населением. Это, с одной стороны, расширило геополитические границы России на Запад, укрепило её статус как европейской державы, но с другой, – добавило русской администрации немало хлопот.

Именно отношения России с входившими в её состав польскими землями во многом и определили русско-католические (а во многом и русско-европейские) отношения на весь XIX век. Ватикан активно поддержал общеевропейский поход на Россию Наполеона и самое активное участие в этой войне поляков на его стороне. После провала Наполеона Ватикан не остался безучастным и при поддержке Польских восстаний 1830 и 1863 годов, в которых повстанцы выдвигали лозунги не только восстановления польской государственности, но и возрождения былой Речи Посполитой в максимальных границах 1654 года, «от моря до моря», включающих Смоленщину, Украину, Белоруссию, Прибалтику.

Г. П. Федотов писал: «... Польша, эта незаживающая (и поныне) рана в теле России. В конце концов, вся русская интеллигенция – в

том числе и националистическая - примирилась с отделением Польши, Но она никогда не сознавала ни всей глубины исторического греха, совершаемого – целое столетие – над душой польского народа, ни естественности того возмущения, с которым Запад смотрел на русское владычество» в Польше. Именно Польше Российской Империя обязана своей славой «тюрьмы народов»¹.

Действительно, польская элита (политическая, культурная, религиозная), всячески подчеркивавшая свою европейскую ориентированность, считала Россию тюрьмой, при этом куда лояльней относилась к Германии и Австрии, хотя их роль в разделах Речи Посполитой была аналогичной российской. Во многом именно она, проживавшая в Париже и Вене, культивировала у европейских властей и обывателей негативный образ России. При этом игнорировался тот факт, что Польша после включения в состав Российской империи пользовалась высочайше дарованной Конституцией, дававшей ей особый статус, предполагавший различные привилегии, даже в сравнении с «коренными» русскими регионами. Эти привилегии были отменены только после вышеупомянутых восстаний. Иными словами, поляки сами эти отношения испортили. Так что Федотов, обосновывая «грехи» России перед Польшей, явно их преувеличивает.

Впрочем, оценивать российско-польские (и российско-католические) отношения как исключительно антагонистические было бы неверным. Участие России в разделе Польши есть в некотором роде реакция, ответная мера на аналогичные попытки самой Речи Посполитой, предпринимавшиеся ранее. Выходцы из Литвы и Польши мечтали стать хозяевами России. Они ими и стали, приняв православие и превратившись в русских князей Глинских, Патрикеевых, Голицыных, Куракиных, Чарторыжских и других, которые в аристократической иерархии дореволюционной России по степени «знатности» уступали только Рюриковичам. Что же касается более «мелкой сошки» – шляхтичей, то выходцы из бывшей Речи Посполитой, носители польских или полонизированных литовских и русских фамилий: Коханьский, Огинский, Василевский, Крафт, Черский, Тухачевский, Потёмкин, Войцеховский, Достоевский, Горбовский, Глинка, Пржевальский и других во множестве встречались среди военных, чиновников, деятелей науки, культуры. Принятие православия было желательным (показывало лояльность российской власти), но и исповедание католичества карьере не мешало. Католическая церковь на территории, подвластной Российской империи, была, конечно, подчинённой по отно-

шению к православной, а отношение к «лояльным» католикам в многонациональной и многоконфессиональной Российской империи было хуже, чем к тем же протестантам-лютеранам (прибалтийское дворянство немецкого происхождения и лютеранского вероисповедания, наряду с русским православным, было самым верным и лояльным слугой престола), но не хуже, чем к другим.

Отдельно следует выделить отношение руководства Российской империи и православного духовенства к униатам. В 1833–1839 годах, используя «административный ресурс», царское правительство вынудило униатов на территории Белоруссии воссоединиться с Русской православной церковью. То же самое униатов вынуждали делать на подконтрольной Российской империи территории Западной Украины, хотя там это сделать оказалось значительно труднее. Украинские униаты оказывали сопротивление и подвергались репрессиям.

То, что отношение к униатам было гораздо хуже, чем к «настоящим» католикам неудивительно: в них видели отступников от «истинной веры», предателей русской цивилизации, потенциальных смутьянов и мятежников. Тем более, что униатскую церковь на той части территории Западной Украины, которая вошла в состав Австрийской империи (прежде всего – Галиция), активно поддерживала габсбургская администрация для противодействия политическому влиянию России. Она же поощряла и украинское национальное движение, которое позиционировало униатство как национальную религию украинцев, противопоставляя их русским и православным.

Итак, в отношениях России с Ватиканом к концу XIX века было два «камня преткновения» – Польша (входившая в состав России и «подвергавшаяся дискриминации») и католическая Габсбургская монархия, отношения с которой во второй половине века основательно испортились.

Начало XX века ознаменовалось страшным потрясением для России. Первая мировая война, закончившаяся Октябрьской революцией и распадом страны, её государственных структур, среди многочисленных последствий имела и смену государственной идеологии. У нового пролетарского государства появилась возможность практического осуществления демократических принципов взаимоотношений с различными религиозными организациями, прежде всего – с православием, имевшим огромное влияние на умонастроения масс.

Однако этого не произошло. Взаимоотношения пролетарского государства и церкви уже в первые послереволюционные годы опреде-

лялись непримиримо атеистическим характером большевистской идеологии, ставшей со временем своеобразной социоцентрической религией.

Государственное православие, в течение многих веков бывшее не только религией большинства населения Российской империи, но и идеологической опорой существующего строя, для большевиков стало конкурентом во влиянии на массы, а христианский принцип «не сотвори себе кумира» вступил в неразрешимое противоречие с идеалами большевизма, культом разума, науки, верой во всеислие человека и особенно с культом личности пролетарского вождя, «великого учителя», «гениального вождя всех времен и народов» и т. д., в общем, идеального верховного правителя, обладающего абсолютной властью, носящей сакральный характер. С точки зрения государственно-партийного руководства, Русская православная церковь, другие конфессии, действовавшие в стране, объявлялись контрреволюционными организациями, убежищем классовых врагов трудящихся, а религиозные организации и все верующие расценивались как враги советской власти, с которыми предписывалось всем органам бороться до победного конца.

В качестве лозунга этой борьбы большевики использовали тезис Ленина «кто не с нами, тот против нас», высказанный им в 1905 году в его статье «Партийная организация и партийная литература». Борьба с инакомыслием проводилась на широком фронте идеологического противостояния, но главными направлениями этой борьбы всегда оставались религия и философия, о чём в свое время писал Н. А. Бердяев: «Есть область, в которой коммунизм неизменен, беспощаден, фанатичен и ни на какие уступки не пойдёт, – это область «мировоззрения», философии, а следовательно, и религии»².

В годы Перестройки было впервые опубликовано секретное письмо В. И. Ленина, которое проливает свет на жестокость властей по отношению к священнослужителям. В нём вождь пролетариата писал: «Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то их надо осуществлять самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности ещё подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духо-

венства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...

Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»³.

Религия и церковь объявлялась врагом номер один. Советское государство не только полностью лишило её возможности какого-либо участия в государственной политике, но и подвергло её массовым репрессиям, обрушилась на неё всю карательную мощь социалистического государства.

В конце 20-х годов руководством страны во главе со Сталиным была выдвинута идея о возможности построения социализма в отдельно взятой стране ускоренными темпами. При этом считалось, что СССР должен быть превращен в единый «военный лагерь», в котором не допускалось и намёка на существование инакомыслия. И вновь церковь была представлена в качестве «оплота контрреволюции». Поднялась очередная волна «атеистического наступления». В стране была развёрнута массовая антирелигиозная работа, административно-силовыми методами ликвидировались религиозные общества, закрывались, а затем и уничтожались многие культовые памятники. Несостоятельность идеи скорого достижения «безрелигиозного общества» послужила оправданием новой волны жестоких репрессий и физического уничтожения большинства священников и почти всего епископата Русской православной церкви. К началу 40-х годов российское православие оказалось фактически разграбленным и разгромленным.

А что же Ватикан? Как ни парадоксально, но в первые годы Советской власти его отношение к ней было достаточно лояльным. Их интересы до определённого момента не пересекались и тем более в противоречия не вступали. Земли с преимущественно католическим населением (Литва, Польша) из состава России в ходе Первой мировой вышли, а на тех, которые остались, католиков проживало сравнительно мало. К тому же большевизм, по мнению Ватикана, сделал «благое» дело – сокрушил «конкурента» в лице государственного православия, вроде бы «очистив» путь «истинной вере».

Впрочем, оптимизм довольно быстро улетучился, особенно перед Второй мировой войной, после включения в состав СССР некоторых областей, населённых католиками (Литва, частично Латвия, Западная Белоруссия) и униатами (Западная Украина). На вновь присоединённых землях, где позиции католицизма традиционно были очень сильными, атеистическое Советское государство действует столь же жёстко, как ранее на других советских территориях. Верующие подвергаются репрессиям, храмы закрывают, священников расстреливают и ссылают.

Неудивительно, что Ватикан активно включается в борьбу с советской властью. Крайней формой этой борьбы стало активное сотрудничество католического и униатского духовенства с напавшими на СССР немецкими нацистами и их европейскими и местными пособниками. В выборе между государственным атеизмом СССР и «сплавом» мистицизма и неоязычества нацистской Германии выбор был сделан в пользу поддержки второго. Католические капелланы были во всех военных и карательных формированиях литовцев и латышей (католиков), униатские – в западноукраинских. И после разгрома фашизма католическая церковь активно способствует «переправке» в безопасные страны бывших военных преступников из Германии, Австрии, Венгрии, Хорватии, Италии, Словакии, Прибалтики и Западной Украины.

В послевоенный период отношения католической церкви с СССР теплее не стали. В 1946 году в СССР была ликвидирована Брестская Уния, и западноукраинских униатов обязали перейти в «лоно православия». Восторга у униатов и Ватикана это не вызвало. Как следствие – многочисленные террористические акции украинских националистов в Галичине и на Волыни. В годы холодной войны Ватикан активно сотрудничал с разведками стран Запада, действовавшими против СССР. Полем битвы стали земли, перешедшие под контроль СССР после Победы. Гонения на верующих там были меньше, чем в СССР, но место имели. И если не католические христианские церкви Восточной Европы (православные в Болгарии, Румынии, Сербии, лютеранская – в Восточной Германии), даже подвергаясь дискриминации, оставались лояльными новой власти, то её католическая часть – Польша, Венгрия, Хорватия, Словения, Чехословакия были «слабым звеном» образовавшегося социалистического лагеря. След Ватикана можно было увидеть в действиях хорватских «ушастей» в Югославии, в венгерских событиях 1956 года, акциях «гражданского неповиновения»

на рубеже 70–80-х годов в Польше. И первое в истории избрание папой римским под именем Иоанна Павла II славянина из страны соцлагеря – бывшего краковского епископа К. Войтылы – тоже фрагмент из этой серии.

События конца 80-х – начала 90-х годов XX века – распад социалистического лагеря, а затем и самого СССР открыл новую страницу в отношениях Ватикана с новой Россией. Провозглашённая в постсоветской стране свобода вероисповедания (в СССР она декларировалась, но во многом не реализовывалась) привела к росту и числа верующих (и тех, кто себя, по меньшей мере, к ним причислял), и числа приходов различных церквей. Однако идеологический вакуум, образовавшийся после краха атеистической марксистско-ленинской социоцентрической «религии», традиционные для России конфессии (прежде всего Православие) заполнить не смогли, и его стали заполнять всякого рода квази- и псевдо-религии, сектантского типа, очень активные и агрессивные.

Мы далеки от того, чтобы отнести к ним и католицизм, всё-таки репутация у него куда более благопристойная. И всё же... В конце 80-х католическая церковь признала Русскую православную церковь «церковью-сестрой». Но дальше слов дело не пошло. Воспользовавшись демократизацией последних лет Советского Союза, в 1990 году была восстановлена Украинская греко-католическая (униатская) церковь. Быстро нашедшая общий язык с возрождающимся украинским национализмом униатская церковь стала активно захватывать православные храмы вначале на западе Украины, а затем и в других её областях, в том числе и в тех, где униатство особой поддержкой никогда не пользовалось. Прямых доказательств вины Ватикана не было, да их никто и не искал, но с церковью-сестрой так не поступают. И сегодняшнее положение на Украине, где наряду с другими последствиями гражданской войны происходит искоренение ортодоксального православия со стороны поддерживаемых нынешним режимом в Киеве униатов, раскольников и сектантов, заставляет задуматься о многом.

Завершая работу, хотелось бы задать вполне закономерный вопрос: неужели за почти тысячелетнее противостояние между католицизмом и русским православием образовалась пропасть настолько глубокая, что её уже невозможно «засыпать»? Или всё-таки стоит попробовать? Может быть, что-либо способно в перспективе стать связующим звеном между двумя древнейшими ветвями христианства? Попробуем разобраться.

Как известно, две противные стороны могут противостоять друг другу, но могут и забыть (хотя бы временно) о своих противоречиях в нескольких случаях. Это появление «третьей противной стороны», победа которой несёт угрозу существованию их обоих. И такой противник есть, и даже не один. Кто же?

Прежде всего – это современный западный либеральный постмодернизм, развитие которого при активной поддержке правящих элит современного западного (американо-европейского) общества идёт семимильными шагами. Под прикрытием красивых и внешне вроде бы правильных слов о демократии, свободе, правах человека происходит активное разрушение той системы ценностей, на которых веками строилась европейская цивилизация, как на Западе, так и на Востоке Европы. В интересах «сильных мира сего» прежние системы ценностей незаметно через подконтрольные СМИ подменяются на фальшивые, и в них заставляют верить. «Современные» литература, театр, кино, не говоря уж об Интернете – все изображают самые низменные человеческие чувства, культ секса (в том числе однополых и в других извращенных формах), насилия, садизма, предательства и прочей безнравственности.

Честность, порядочность, не говоря уж о благородстве, высмеиваются, приверженность традициям объявляется пережитком прошлого. Хамство, наглость, ложь, обман, пьянство, наркомания, гомосексуализм, – всё это ловко и незаметно культивируется, расцветает пышным цветом. За людей берутся с детских, юношеских лет, ставку делают на молодёжь, которую разлагают, развращают, растлевают.

Разумеется, далеко не все представители современного европейского и российского общества в восторге от подобной ситуации. Многие протестуют, но таких людей «либеральная общественность» ставит в беспомощное положение, превращает в посмешище, объявляет ретроgrадами, противниками свободы, чуть ли не отбросами общества. Разложение же общества объявляется нормальным и закономерным явлением.

Есть и второй, не менее опасный противник – исламский радикализм. Та же вышеупомянутая неолиберальная идеология, краеугольными камнями которой были принцип приоритетности прав и свобод личности над обязанностями её перед обществом, а также терпимое отношение ко всему «иному» (национальности, культурной идентичности, цвету кожи, вероисповеданию), отношение к морали, религии, культуре, как к частному делу каждого человека, враждебное отноше-

ние к интересам различных общностей (нации, государству), космополитизм и т. д., привела к тому, что прельщённые высоким (в сравнении со своей прежней родиной) уровнем жизни в Европу хлынули жители бывших колоний и полуколоний: в Великобританию – индийцы и пакистанцы, во Францию – жители Северной и Западной Африки, в Германию – турки, в Италию – албанцы и марокканцы и т. д. Заполнив собой тот демографический вакуум, который образовался в Европе, они заняли те рабочие места, которые у «коренных» европейцев интереса не вызывали, чем в немалой степени способствовало росту европейской экономики. Однако наряду с рабочими руками в богатую, сытую и «толерантную» Европу прибыли люди с другим менталитетом, другой культурой, духовным типом, иной, нередко противоположной европейской системой ценностей. Живя и работая в Европе, став полноправными европейцами, многие из них так и не захотели или не смогли ассимилироваться. Иными словами, став европейцами (англичанами, французами, итальянцами, испанцами, немцами) юридически, ментально выходцы из Азии и Африки ими так и не стали. Напротив, проживая на своей новой Родине, пользуясь всеми правами её граждан, новоявленные европейцы принесли в неё немало негативных аспектов, которых та ранее не знала, как то этническая преступность и национальная нетерпимость. Этнические и религиозные диаспоры выходцев из европейских колоний и полуколоний, сплочённые национальной круговой порукой, на своей «новой родине» нередко вступают в конфликт и с коренными европейцами, и с властью, требуют для себя даже не равного, а привилегированного по отношению к так называемым «коренным европейцам» положения и противопоставляют себя им. В числе проблем, занесенных в постхристианскую Европу (да и в постсоветскую Россию), далеко не последнюю роль играет религиозный экстремизм, прежде всего, мусульманский. Для радикальных последователей ислама враги – это даже более умеренные мусульмане, а что уж говорить о всякого рода «неверных». Для них «толерантная» и «политкорректная» Европа с её демократией – самое тёплое и безопасное место. Неудивительно, что в радикальный ислам обращаются уже не только «коренные» мусульмане, но и неофиты из числа европейцев, разочаровавшихся в прежних «постмодернистских» идеалах и ценностях.

Наличие двух столь опасных врагов, угрожающих всему христианскому миру, невольно заставляет католическую церковь если не сближаться с Россией, то в ряде моментов поддерживать её. Заявле-

ние российского руководства о приверженности страны традиционным (читай, консервативным) ценностям вызвало резкую критику у западных политиков, но одобрение у католической церкви. Поддерживает Ватикан и миротворческие действия российского руководства, несмотря на явное неудовольствие ряда западных лидеров и правительств. Сегодня у двух самых крупных и древних церквей есть реальный шанс если не полностью разрешить былые противоречия (это было бы слишком легко), то хотя бы сгладить их, прийти к компромиссу по ряду насущных вопросов. Приход на «святой престол» папы Франциска (выходца из Латинской Америки, с которой у России никогда не было противостояний) и патриарха Кирилла, человека активного и достаточно современного эти шансы увеличивают. Все проблемы решаемы, было бы желание их решать.

Примечания:

1. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 316–319.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Юность. – 1989. – № 11. – С. 91.
3. Регельсон Л. Трагедия русской церкви 1917–1945. – Paris: YMCA-press, 1977. – С. 282–283. Цит. по: Емельянов Б. В., Любутин К. Н., Русаков В. М., Саранчин Ю. К. История русской философии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – С. 369.

Злобин Ю. П. (г. Оренбург)

**ГУБЕРНАТОР И. Л. ДЕБУ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ**

С историей Оренбургского края связано немало имён крупных государственных и общественных деятелей России, военачальников, видных представителей науки и культуры, которые по своей религиозной принадлежности являлись католиками. Каждый из них внёс свой заметный и посильный вклад в развитие экономики, науки, образования и культуры нашего края. В их число можно с полной уверенностью отнести Иосифа Львовича Дебу, генерал-майора, служившего в 1827–1832 годы гражданским губернатором Оренбургской губернии.

Иосиф (Осип) Львович Дебу родился 19 декабря 1774 года в городе Ливорно, находившемся в итальянской провинции Тоскана. Он

происходил из знатной французской католической фамилии, сделавшейся известной ещё с XIII века. В 1781 году в 13-летнем возрасте И. Л. Дебу прибыл вместе с отцом, доктором Пизанского университета Львом Львовичем Дебу, в Санкт-Петербург и получил здесь первоначальное образование в Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе. Это учебное заведение было открыто указом Екатерины II в 1762 году и занималось подготовкой артиллерийских и инженерных офицерских кадров для русской армии¹.

Будущий оренбургский гражданский губернатор с детских лет воспитывался в лоне католической религии. Она формирует определённый тип человека, способствует обретению качеств характера, весьма полезных при прохождении как военной, так и гражданской службы. Представителям этой религиозной конфессии в значительной мере присущи такие, типичные христианские добродетели, как благообразие и мужество, умеренность и справедливость, целеустремленность и дисциплина, порядок и верность слову, настроенность на перенесение трудностей, сострадание к слабым и униженным. Они отчётливо проявились в характере И. Л. Дебу, который сумел сделать блестящую карьеру в прежде незнакомой ему России.

Завершив обучение в кадетском корпусе, И. Л. Дебу в 1793 году поступил на военную службу офицером в лейб-гвардии Семёновский полк. Затем он служил последовательно в полках Изюмском легкоконном (1796 год) и Кексгольмском (1797 год). В 1798 году был произведён в майоры. В 1799 году И. Л. Дебу назначен командиром гренадёрского батальона, в следующем году переведён в Литовский мушкетёрский полк с присвоением чина подполковника. В марте 1806 года он стал командиром Калужского мушкетёрского полка, а в апреле произведён в полковники. В 1806–1807 годы И. Л. Дебу воевал против армии Наполеона Бонапарта в Пруссии, командовал попеременно тремя полками и участвовал почти во всех сражениях против французов. Литовский пехотный полк под его начальством овладел Деппенским мостом, занятым французским авангардом под предводительством маршала Нея. За умелое командование и личную храбрость И. Л. Дебу был награждён орденами святой Анны 1-й степени, святого Владимира 4-й степени и прусским орденом Военного достоинства («Pour le Merite»). В 1809 году он был командирован в Эстляндию для охраны побережья Финского залива против ожидаемой десантной высадки шведов во время русско-шведской войны².

Однако в Прибалтике И. Л. Дебу пробыл недолго и в следующем 1810 году был командирован на Кавказ в состав войск, расположенных на Кавказской пограничной линии, шефом Казанского пехотного полка. В этом году он принял участие в военной экспедиции против кабардинцев и отличился в сражении при переправе русских войск через реку Терек. В 1813 году И. Л. Дебу был назначен командиром левого фланга Кавказской пограничной линии. Занимаясь охраной южной границы Российской империи, он одновременно успешно противодействовал распространению чумы в подведомственном ему приграничном районе. Энергичными распоряжениями И. Л. Дебу были организованы и проведены успешные карантинные меры против этой эпидемии в Моздоке и других пограничных укреплениях. В 1816 году он был произведён в чин генерал-майора и назначен командиром 1-й бригады 22-й пехотной дивизии и одновременно начальником правого фланга Кавказской пограничной линии. Служебная деятельность И. Л. Дебу на этих постах, сопровождавшаяся постоянными военными столкновениями с горцами, была отмечена в 1823 году орденом святого Георгия 4-й степени³.

За 16 лет, проведённых на Кавказе, И. Л. Дебу основательно изучил весь этот горный регион, познакомился с его географией, природными богатствами, многочисленными и разноплеменными коренными жителями. В период своей кавказской службы он посылал в Петербург собственные рукописные материалы, касавшиеся горцев и линейных казаков, которые затем публиковались на страницах «Отечественных записок», одного из самых популярных журналов того времени. Позднее в 1829 году, когда И. Л. Дебу уже находился в Оренбургском крае, увидел свет его военно-исторический труд «О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседних горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год». Этот объёмный труд, изданный в Москве, был посвящён императору Николаю I и составлен на основе документов из архивных источников, личных наблюдений, донесений и замечаний автора. Цель издания заключалась в способствовании утверждению спокойствия на границах России, в землях, оспариваемых с давних времён разными окружающими её народами и странами.

Труд И. Л. Дебу стал полным изданием всех материалов о Кавказе, собранных им в период службы. Книга содержала ценные сведения о

военной обстановке, боевых действиях в регионе в начальный период Кавказской войны с 1816 по 1826 годы, о казачьих войсках, состоянии Черноморского войска, присоединённого к Кавказской линии в 1820 году. Была подробно описана деятельность командующих на пограничной линии с момента её учреждения. Далее следовало подробное и достоверное описание народов Кавказа, их нравов и обычаев, взаимоотношений с русскими, информация о минеральных водах, населённых пунктах и т. д., неизвестная на тот период времени в научных кругах. Текст был дополнен двумя развёрнутыми статистическими таблицами. Заметки автора и заключение, сделанное им, носили стратегический характер и в дальнейшем многие его рекомендации были учтены и применены российским правительством на практике⁴.

Длительная служба на Кавказе подорвала здоровье И. Л. Дебу, и он обратился к руководителю личной канцелярии Александра I графу А. А. Аракчееву с прошением о переводе на гражданскую службу. В 1824 году по представлению А. А. Аракчеева последовало Высочайшее повеление императора о внесении И. Л. Дебу в список кандидатов на пост гражданского губернатора. Вакансию ему пришлось ждать 2 года. Лишь в 1826 году он оставил военную службу и по этому случаю был переименован из генерал-майоров в действительные статские советники, а в следующем

Иосиф Львович Дебу

1827 году назначен оренбургским гражданским губернатором⁵.

На этом посту И. Л. Дебу находился 5 лет и 6 месяцев, с 7 июня 1827 года по 2 декабря 1832 года, являясь в управленческой вертикали Оренбургской губернии вторым должностным лицом после военного губернатора, его помощником и заместителем. Резиденцией гражданского губернатора (или вице-губернатора) был определён город Уфа, где находились все губернские гражданские учреждения. Их руководители составляли губернское правле-

ние под председательством вице-губернатора, у которого была своя собственная канцелярия. Поскольку военный губернатор со своей канцелярией находился в Оренбурге, все текущие вопросы управления обширным краем решались гражданским губернатором. Он контролировал работу чиновников губернских присутствий, наблюдал за сбором податей в казну, руководил хозяйственной жизнью местного населения, занимался обеспечением его продовольствием и топливом, размещением и наделением землёй переселенцев из других губерний, развивал транспорт, торговлю, народное образование и здравоохранение для всех сословий и т. д. Он же осуществлял контроль над прохождением дел в местных судах. Вице-губернатор замещал военного губернатора в случае его выбытия за пределы губернии⁶.

Непрерывной и важной обязанностью гражданского губернатора была подготовка Всеподданнейших отчётов о внутривластном и экономическом состоянии губернии, отправляемых ежегодно в Петербург на имя императора Николая I. В его канцелярию стекались самые разнообразные сведения: рапорты и донесения уездных исправников и волостных старшин с характеристиками занятий и настроений населения, состояния урожаев, сведения от городских магистратов о деятельности фабрик и заводов, статистические данные о внутренней и внешней торговле в губернии, о происшествиях имевших место на её территории (волнениях населения, неурожаях, пожарах, эпидемиях), и многое другое⁷. Вице-губернатор руководил работой чиновников своей канцелярии по их систематизации, обобщению и анализу, готовил текст Всеподданнейшего отчёта императору за каждый минувший год, а затем представлял его на утверждение военному губернатору. Таким образом, по роду своей деятельности он был одним из самых информированных чиновников в губернии.

Обилие сведений о губернии, находившихся в распоряжении И. Л. Дебу, с одной стороны, значительные изменения, произошедшие на её территории за 70 лет после издания трудов П. И. Рычкова «История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии», с другой, наконец, опыт, приобретённый в подготовке описания Кавказа и его народов, побудили вице-губернатора подготовить схожее исследование о другом пограничном крае Российской империи – Оренбургском. Оно получило наименование «Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии» и было издано в Москве в 1837 году⁸. В предисловии автор сообщал читателю следующее: «В бытность мою Оренбургским Гражданским

Губернатором, при всех моих многообразных занятиях по долгу службы, я, усердствуя общему благу, всемерно старался, пользуясь всеми зависевшими от меня средствами, собрать вернейшие топографические и статистические сведения о сей Губернии. Цель моя: *Non mihi – sed aliis* (не для себя, а для других)»⁹. Таким образом, к сбору материалов для будущей книги И. Л. Дебу приступил, находясь в Оренбургском крае.

По роду своей деятельности гражданский губернатор не был кабинетным чиновником, а периодически посещал города и уезды губернии, знакомясь на месте с состоянием дел и решая возникшие проблемы. Так, например, в 1829 году в Оренбурге появилась холера, завезённая торговыми караванами из Средней Азии¹⁰. Она приобрела масштабы и характер эпидемии, с быстротой распространилась по всей губернии. И. Л. Дебу лично, в сопровождении медицинского чиновника, посетил многие заражённые этой болезнью населённые пункты и своими распоряжениями значительно способствовал устранению неизбежных при карантинном оцеплении столкновений между населением и медико-полицейским персоналом. Жители города Уфы, в знак признательности за особые усилия И. Л. Дебу по прекращению холеры в их городе, поднесли ему благодарственный адрес¹¹.

Административная деятельность вице-губернатора была по достоинству оценена правительством. В 1832 году И. Л. Дебу получил новое назначение на более спокойную и ответственную должность сенатора. В дневнике важных событий, имевших место в Оренбурге, составленном комендантом города генерал-майором Глинским, сделана следующая запись от 6 декабря 1832 года: «Оренбургский гражданский губернатор Действительный статский советник Дебу Всемиловейшее пожалован в Тайные советники с повелением ему присутствовать в Правительствующем Сенате, а состоящий при господине Оренбургском Военном Губернаторе Статский советник Жуковский пожалован в Действительные Статские советники с повелением ему быть Оренбургским Гражданским Губернатором»¹². Первоначально И. Л. Дебу был назначен присутствующим сенатором в 7-й департамент Правительствующего Сената в Санкт-Петербурге, а затем, по его желанию, был переведён в Московский департамент Сената¹³.

Неспешная деятельность на посту сенатора в Москве позволила И. Л. Дебу свободное от служебных обязанностей время посвятить подготовке будущего «Топографического и статистического описания Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии». В работе над тек-

стом своего исследования И. Л. Дебу принял во внимание современные ему достижения разных наук, в первую очередь, географической, топографической и статистической, учёл и использовал их возможности.

Первый раздел работы содержит краткое природно-географическое и статистическое описание губернии, включающее её географические координаты и административные границы, размеры занимаемой площади, характеристику плодородия земли в разных её частях, описание местного климата, рек и озёр, горных и лесных массивов. Здесь же подвергнуты характеристике природные богатства недр губернии, металлургические заводы, занимавшиеся их промышленным освоением, предприятия обрабатывающей промышленности, занятые переработкой продукции сельского хозяйства. Затем следует описание земледелия, скотоводства, ремесленно-кустарной промышленности, торговли внутренней и внешней, как меновой, так и ярмарочной. Текст этого раздела лаконичный и чёткий, предельно насыщенный количественными показателями и позволяющий читателю получить ясное представление о размерах Оренбургской губернии, её природных богатствах и основных занятиях местных жителей.

Площадь губернии, по данным И. Л. Дебу, насчитывала 36 млн. десятин земли, или 310806 кв. километров, что было в 2,5 раза больше территории современной Оренбургской области. Губерния простиралась с запада на восток на 1800 вёрст, а с севера на юг – на 1000 вёрст. На этом пространстве были расположены 2804 озера. По территории губернии протекали 3803 судоходные и несудоходные реки и речки. Губерния отличалась резко континентальным климатом. Её северная половина было гористо-лесистой, в южных отрогах Уральских гор были найдены залежи золота, железной и медной руды. Их разработкой занимались 4 казённых и 24 частных металлургических завода, выплавлявших ежегодно 65 тыс. пудов меди и 948,5 тыс. пудов чугуна. И. Л. Дебу поместил краткую информацию о каждом из этих предприятий с указанием времени основания, места расположения, владельца, количества крепостных рабочих и объёма производимой ими ежегодно продукции. По такой же примерно схеме описаны автором и другие отрасли экономики губернии до торговли включительно¹⁴.

Второй раздел работы И. Л. Дебу посвятил населению Оренбургского края, сразу же оговорившись, что «судя по обширности и пространству Оренбургской Губернии, она мало населена, не смотря на частые с дозволения Правительства в оную переселения крестьян из

разных Российских Губерний»¹⁵. Следуя традициям официальной статистики того времени, он разделил жителей губернии на несколько больших групп, приняв в качестве критерия их обязанности по отношению к государству или владельцам-дворянам. Первую группу составили представители «податного состояния»: купцы, мещане, государственные, помещичьи и удельные крестьяне, дворовые люди, крепостные рабочие, крестьяне-однодворцы и свободные хлебопашцы, тептяри и бобыли. Общая численность представителей этих сословий составила 375230 душ мужского пола. Самой многочисленной сословной группой в их рядах были государственные крестьяне в количестве 160510 душ мужского пола или 42,8 % от всего податного населения губернии¹⁶. И. Л. Дебу не забыл указать размеры подушной подати и разных повинностей (денежных и натуральных) в пользу государства по каждой из перечисленных категорий населения. Об этом он был хорошо информирован, поскольку в качестве гражданского губернатора контролировал как раз сбор податей в казну и выполнение натуральных повинностей¹⁷.

Вторая большая группа населения была названа в работе «неподатным состоянием». К ней были отнесены священники и церковнослужители, отставные солдаты и солдатские дети, казаки, служилые «иностранцы» (башкиры, мещеряки, татары, каракалпаки, сарты), рабочие казённых металлургических заводов Златоустовского горного округа, иностранные специалисты на русской службе на этих заводах (179 душ мужского пола), новокрещёные «иностранцы» разных национальностей, государственные и удельные крестьяне-переселенцы, прибывшие из 9 губерний Европейской России. Они насчитывали в совокупности 198845 душ мужского пола. В их составе численно доминировали коренные жители Оренбургского края башкиры, зачисленные в казачье сословие. Их было 120191 душа мужского пола или 60,4 % от общей численности этой группы¹⁸.

Третья группа жителей Оренбургского края была представлена дворянами и чиновниками (1200 душ мужского пола), военными служащими регулярных войск Отдельного Оренбургского корпуса (10105 душ мужского пола) и военными кантонистами (1508 душ мужского пола). Она насчитывала 13213 лиц мужского пола¹⁹.

Таким образом, общая численность мужского населения губернии (женское население в расчёт не бралось, поскольку не было податным) составило, по данным И. Л. Дебу, 587288 человек. Описанная им сословная структура населения губернии представляла собой пе-

ревёрнутую пирамиду, на вершине которой были податные, а не привилегированные сословные группы, занимавшие нижнюю часть пирамиды. Такой исследовательский подход был новаторским, он заметно отличал исследование И. Л. Дебу от многих современных ему и более поздних авторов, выполнявших свои работы на аналогичные темы.

Описав герб Оренбургской губернии, автор приступил к характеристике её внутренней территориальной структуры, состоявшей из 14 городов и 12 уездов. Каждому из городов он посвятил отдельный раздел, сопровождавшийся краткой исторической справкой с опорой на работы П. И. Рычкова, выверенные и уточнённые И. Л. Дебу с использованием архивных материалов. Описание городов, начиная с губернского города Уфы и заканчивая безуездным городом Илецкой Защитой, содержало сведения об их географических координатах, времени, причинах и обстоятельствах основания, расстоянии каждого из них до Москвы и Петербурга, количестве и сословном составе жителей, численности военных гарнизонов (там, где они были), количестве имевшихся зданий, промышленных и торговых предприятий, учебных заведений, церквей, мечетей, храмов. Автор счёл нужным описать также герб каждого города²⁰.

Поскольку подавляющее большинство городов являлись административными центрами уездов, то следом за описанием города следовало и описание уезда, имевшего наименование по названию города. Оно начиналось с описания границ уезда, количества имевшейся земли под пашнями, сенокосами, лесами, степью с характеристикой их плодородия, указывалось число озёр, рек и речек, описывались климат и пути сообщения, проходившие через уезд. Затем автор приступал к перечислению городов, крепостей, редутов, сёл, слобод, станиц и деревень, находившихся в уезде. После этого И. Л. Дебу переходил к оценке сословного состава жителей уезда, деля его по той же самой схеме, что и население губернии, на 3 большие группы. Затем следовала характеристика основных занятий жителей уезда, общая оценка их образованности и принадлежности к религиозным конфессиям. Если на территории уезда имели место крупные исторические события, автор непременно описывал и их: волнения и восстания башкирского населения в 30–50-х годах XVIII века, восстание под руководством Е. И. Пугачёва в 1773–1775 годах, визиты императора Александра I и др.²¹

Заключительный раздел своего труда И. Л. Дебу посвятил описанию 28 крепостей Оренбургской пограничной линии. Каждой из них был посвящён отдельный очерк. В нём автор обращал внимание чита-

теля на время и обстоятельства основания крепости, указывал фамилию её основателя, приводил характеристику местности, на которой она построена, далее следовало краткое описание крепостных укреплений и её гарнизона применительно ко второй половине XVIII века. О современном автору состоянии крепостей и численности их гарнизонов он умалчивал по вполне понятным причинам²².

И. Л. Дебу завершил свой труд следующим примечательным обобщением: «В заключение сего надобно сказать, что Оренбургская Губерния, по естественному своему местоположению, весьма щедро наделена природою всеми для жизни потребностями, а потому обитающие в ней разноплемённые народы, пользуясь сими местными выгодами, должны почитать себя совершенно осчастливленными»²³. После работ П. И. Рычкова историко-географическое и статистическое описание, выполненное И. Л. Дебу, стало вторым по времени и своей значимости комплексным исследованием Оренбургской губернии применительно к первой трети XIX века.

Труды И. Л. Дебу о Кавказе и Оренбургском крае были удостоены Высочайшего внимания и благоволения императора Николая I. Их автор был удостоен в 1839 году. Знака отличия за сорокапятилетнюю государственную службу. Сенатор и тайный советник И. Л. Дебу умер 10 апреля 1842 года в Москве и был похоронен на Введенском иноверческом кладбище²⁴.

Примечания:

1. Русский биографический словарь. Т. VI: Дабелов – Дядьковский. – М.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 151.
2. Там же. – С. 151–152.
3. Там же.
4. Дебу И. Л. Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседних горских народах: 1816–1826. (Репринтное издание 1829 г.). – СПб.: Альфарет, 2012. – 508 с.
5. Русский биографический словарь. – Т. VI: Дабелов – Дядьковский. – М.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 151–152.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 2-е. – Т. XII. – Отд. 1-е. – №№ 10303, 10304.
7. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 79, 102, 118, 111, 542, 1429; Оп. 2. Д. 59, 60, 61, 63, 65.
8. Дебу И. Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. – М.: Университетская типография, 1837. – 231 с.
9. Там же. – С. IV.

10. Собрание актов и наблюдений, относящихся к холере, бывшей в конце 1829 и начале 1830 годов в Оренбургской губернии. – СПб.: Типография Медицинского Департамента МВД, 1830. – С. 67–68, 96.
11. Русский биографический словарь. – Т. VI: Дабелов – Дядьковский. – М.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 151–152.
12. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 10601/16. Л. 10–11.
13. Русский биографический словарь. – Т. VI: Дабелов – Дядьковский. – М.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 152.
14. Дебу И. Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. – М.: Университетская типография, 1837. – С. 1–35.
15. Там же. – С. 35.
16. Там же. – С. 35–36.
17. Там же. – С. 39–41.
18. Там же. – С. 37–38.
19. Там же. – С. 39.
20. Там же. – С. 41–175.
21. Там же.
22. Там же. – С. 175–205.
23. Там же. – С. 222.
24. Русский биографический словарь. – Т. VI: Дабелов – Дядьковский. – М.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1905. – С. 152.

Семёнов В. Г. (г. Оренбург)

**НАЧАЛЬНИК ШТАБА ОТДЕЛЬНОГО ОРЕНБУРГСКОГО
КОРПУСА – ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ФАНТОН ДЕ ВЕРРАЙОН
МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ**

Личность генерал-майора Михаила Львовича Фантона де Веррайона заслуживает внимания не только историков, но и литературоведов. Он был знаком с А. С. Пушкиным и часто проводил с ним вечера в кишинёвский период жизни и творчества поэта. В данном исследовании будет рассмотрен боевой путь М. Л. Фантона де Веррайона и оренбургские страницы его биографии, в частности, период пребывания на посту начальника штаба отдельного Оренбургского корпуса.

Фантон де Веррайон Михаил (Мишель) Львович родился в 1804 году в семье статского советника. Отец его был потомком старинного французского дворянского рода, переселившегося в Россию в конце XVIII века. 4 декабря 1819 года Михаил поступил на службу колон-

новожатым, учился в Муравьёвской школе колонновожатых, после окончания курса 23 июля 1821 года в чине прапорщика был зачислен в свиту Его Величества по квартирмейстерской части (с 1827 года – Генеральный Штаб).

Уже на следующий день, 24 июля 1821 года, прапорщик Фантон де Веррайон получил назначение в город Кишинёв в Главную квартиру 2-й Армии, куда прибыл в декабре того же года¹. Михаил Львович, должно быть, был благодарен судьбе за это назначение, поскольку именно здесь он и его друзья-офицеры из группы военных топографов познакомились с А. С. Пушкиным (1821–1823). Пушкин общался с М. Л. Фантоном де Веррайоном и его товарищами по топографической съёмке Бессарабии «почти каждый вечер». По мнению Л. А. Черейского, «можно с уверенностью предположить, что под обозначением «Фант.» в пушкинском «Плане автобиографии» (1833) подразумевается именно Фантон де Веррайон»².

Там же, в Молдавии, Михаил Львович удостоился получить Высочайшее благоволение Александра I. В документе, датированном 17.12.1823 года, внимание Государя поясняется строчкой: «За понесённые труды». В марте 1825 года Фантон де Веррайон был произведён в подпоручики, а через два года (02.04.1827) – в поручики. Во время войны с Турцией он был среди войск, блокировавших крепость Браилов. В ночь с 24 на 25 мая 1828 года при осмотре осадных работ Михаил Львович получил контузию в голову. В награду «отличного исполнения возложенных поручений во время войны» был награждён орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость».

В июле-августе 1828 года Фантон де Веррайон участвовал в боях под крепостью Шумлой. За отличие в бою 8-го июля был удостоен Высочайшего благоволения, а за кампанию 1828 года «в награду отличного исполнения возложенных поручений» был удостоен ордена Святой Анны III степени с бантом (23.06.1828)³. Боевая карьера молодого офицера развивалась стремительно – 11 января 1829 года он был произведён досрочно в штабс-капитаны. 22 сентября 1829 года за отличия в боях с турецкими войсками под крепостями Силистрией и Кулевчей и при взятии Адрианополя Фантон де Веррайон был отмечен орденом Святого Владимира IV степени с бантом, а за отличия в кампании войны 1829 года был произведён в капитаны (17.11.1829).

Выход русских войск на подступы к Константинополю вызвал панику у турецкого правительства, заключившего 2 сентября 1829 года Адрианопольский мирный договор, согласно которому к России ото-

шло Кавказское побережье Чёрного моря (севернее Батуми) и район Ахалциха; Сербия, Молдова и Валахия получили автономию, а Греция стала независимой.

В апреле-июле 1830 года Михаил Львович участвовал в военно-топографических съёмках в Болгарии. После переезда в Румынию с 23 июля 1830 года по 1 марта 1832 года занимался разграничением бывших турецких крепостей в Валахии: Браилова, Журжи и Турно. После выполнения этого задания был назначен управляющим делами штаба войск, расположенных в княжествах Молдавии и Валахии по части Генерального штаба, и начальником особой канцелярии генерал-адъютанта графа П. Д. Киселёва (управлявшего Дунайскими княжествами).

10 апреля 1832 года Фантон де Веррайон получил чин подполковника. За участие в Русско-турецкой войне (1828–1829 годов) и понесённые при этом труды он был отмечен годовым жалованием. За разграничение земель, возвращённых от турок княжествам Молдавии и Валахии, князь Валахский пожаловал подполковнику Фантону золотую табакерку с надписью «в знак признательности Валахской»⁴ и распорядился выплатить единовременное денежное вознаграждение в размере 1000 голландских червонцев (1832 год). 27 декабря 1832 года «за усердную службу» при председателе диванов (правительств) княжеств Михаил Львович был награждён орденом Святой Анны II степени.

После отпуска Фантон де Веррайон выполнял поручение генерал-адъютанта графа П. Д. Киселёва по составлению статистического описания Молдавии и Валахии. Вскоре он занял должность обер-квартирмейстера 6-го корпуса, командиром которого к тому времени был назначен граф Киселёв. 3 октября 1833 года подполковник вошёл в число офицеров, состоящих в распоряжении военного министра и генерал-квартирмейстера Главного штаба Его Императорского Величества с оставлением при генерал-адъютанте Киселёве. За составление статистических таблиц княжеств Молдавии и Валахии Михаилу Львовичу было пожаловано (01.04.1834) единовременное денежное вознаграждение в размере 240 голландских червонцев, а 29 мая того же года «в воздаяние отлично-усердной службы» он был награждён орденом Святой Анны II степени с Императорской короной.

10 мая 1835 года Фантон де Веррайон был назначен начальником 3-го отделения канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба. Вскоре (29.03.1836 года) он получает повышение по службе – чин

полковника, а через месяц (30.04.1836) становится начальником 2-го отделения Департамента Генерального штаба. Успешная служба на этой должности была отмечена многими наградами: орденом Святого Станислава II степени (22.08.1838), знаком отличия за 15 лет беспорочной службы (26.04.1839), орденом Святого Владимира III степени (16.04.1841), орденом Святого Георгия IV степени за выслугу в офицерских чинах 25 лет (05.04.1841).

11 марта 1841 года М. Л. Фантон де Веррайон был уволен в бессрочный отпуск с причислением к запасным войскам и Генеральному штабу. Находясь в отпуске, Михаил Львович поселился в рославльском имении в Смоленской губернии. Представители рославльского уездного дворянства единодушно избрали его своим предводителем. Здесь находилось имение, принадлежащее ему с братом Львом и сёстрами – Екатериной и Еленой, в котором насчитывалось 500 душ крестьян. Фантон де Веррайон представлял смоленское дворянство на историческом приёме у Николая I (17.05.1847), на котором император впервые прямо заявил о необходимости отмены крепостного права.

3 февраля 1848 года Фантон де Веррайон вновь призывается на службу и получает должность начальника штаба отдельного Оренбургского корпуса. 9 июня 1848 года он прибывает в Оренбург и сразу приступает к служебным обязанностям. Через полтора года (06.12.1849) Михаил Львович производится в генерал-майоры с утверждением в должности начальника штаба отдельного Оренбургского корпуса. С 11 апреля по 2 мая 1851 года из-за отсутствия оренбургского военного губернатора и командира отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанта В. А. Перовского исполнял его обязанности и заведовал пограничными делами края.

22 августа 1852 года Фантон де Веррайон был награждён «Знаком отличия за 20 лет беспорочной службы», а в следующем году – орденом Святого Станислава I степени. По сведению литературоведа Л. Н. Большакова, у Фантона де Веррайона была большая коллекция картин, в основном, репродукций работ мастеров, а также авторских работ и работ его друзей. Автограф начальника штаба отдельного Оренбургского корпуса стоит под документами, в которых отражена служба поэта Тараса Григорьевича Шевченко.

Чтобы представить круг вопросов, которые решал начальник штаба корпуса, приведём фрагменты некоторых документов 1851 и 1853 годов.

В документе (за № 1270), датированном 2 декабря 1850 года, генерал-майор Фантон де Веррайон сообщил наказному атаману Оренбургского казачьего войска, что генерал Обручев признал необходимым иметь боевые патроны поселённым в степных укреплениях казакам на случай нападения на них «киргизов» (казахов) или хивинцев. Для выполнения приказа губернатора он просил сделать распоряжение по сему предмету согласно положению.

В документе от 2 марта 1853 года (за № 869) сообщается, что начальник корпусного штаба приказал наказному атаману Оренбургского казачьего войска «назначить на 6 месяцев в состав экспедиционного отряда 200 казаков с необходимым числом офицеров и урядников. Всем чинам предписывалось иметь по 40 боевых патронов; вместо казённых ружей дозволялось иметь свои с боевыми патронами из мелкого винтовочного пороха».

В состав экспедиционного отряда было включено 6 офицеров, 12 урядников, 200 казаков и с ними войсковой штаб-лекарь. Начальником отряда был назначен подполковник Ковалевский; наказной атаман генерал-майор Падуров стал начальником всего отряда и приказом по войску от 28 апреля за № 95 командование войском передал начальнику штаба, полковнику графу Толстому. Согласно приказу по Оренбургскому корпусу от 30 сентября за № 210 генерал-майор Падуров по возвращении из степи вновь вступил в исправление должности наказного атамана Оренбургского казачьего войска.

В приказе от 10 апреля за № 1059 генерал-майор Фантон де Веррайон предложил наказному атаману сделать следующие распоряжения: 1) для сопровождения генерал-адъютанта Перовского в степные укрепления от крепости Орской до Карабутакского форта нарядить от Орского кордонного пункта конвойную команду из 1 офицера, 2 урядников и 25 казаков с надёжными лошадьми; 2) лошадей конвоя довольствовать овсом по 3 гарнца в сутки на каждую; 3) конвой должен иметь с собою двухдневную норму овса, а остальной овёс должен быть при поезде; 4) для ухода за верховыми и упряжными лошадьми под экипажи генерал-адъютанта Перовского назначить 2-х урядников и 15 казаков из Оренбургского кордонного пункта. Урядники предназначены: один в бессменные ординарцы, другой – для раздачи продовольствия и фуража команде.

В приказе от 22 апреля (за № 1853) начальник штаба Оренбургского корпуса предложил командующему войском назначить из Верхнеозёрного кордонного пункта 1 офицера, 2 урядников и 25 казаков

для приёма из склада в станице Верхнеозёрной 2000 четвертей овса и прикрытия транспорта купца Путолова от Верхнеозёрной станицы до Карабутакского форта.

В приказе (за № 1848) от 22 апреля командующему войском было предложено назначить в конвой на случай выезда генерал-адъютанта Перовского в Карабутакский форт из Оренбурга: 1-го офицера, 2-х урядников и 25 казаков из Оренбургского кордонного пункта.

В приказе от 12 мая 1853 года (за № 2235) начальник штаба Оренбургского корпуса генерал-майор Фантон де Веррайон предложил командующему войском назначить 1-го офицера для приема и сопровождения башкирской сенокосной команды от Оренбурга до Караванного озера, где команда будет передана другому офицеру.

В приказе от 13 мая за (№ 2253) говорилось о необходимости приготовить к 16 мая по 4 тройки казачьих лошадей с упряжью под два тарантаса с четырьмя ямщиками, в фортах Донгузе и Елшанском, в крепости Илецкой Защите и в станице Григорьевской, откуда генерал-адъютант Перовский приедет на Караванное озеро. Конвой из Карабутакского форта в Уральское укрепление назначить 1-го урядника и 10 казаков.

5 августа в приказах (за №№ 4092 и 4099) начальник корпусного штаба предложил командующему войском немедленно командировать на 2 месяца учебную сотню в полном её составе: 3 офицеров, 6 урядников и 106 казаков и 6-ти фунтовую пушку № 17 батареи при офицере с прислугой для усиления отряда при султানে-правителе Западной части Орды, подполковнике Тяукине⁵.

В 1853 году, во время Крымской войны генерал-майор Фантон де Веррайон, как опытный военный, был назначен начальником штаба Западной армии. В 1856 году он был награждён орденом Святой Анны I степени с мечами, а в 1858 году – произведён в генерал-лейтенанты. По завершении военных действий вместе с полковником бароном Штакельбергом Михаил Львович участвовал в международной комиссии по разграничению части Бессарабии, отошедшей по Парижскому мирному договору к Турции.

С 1858 года генерал-лейтенант Фантон де Веррайон находился в должности бессарабского военного губернатора. В 1860 году он был награждён знаком отличия за 30 лет беспорочной службы, а в 1861 году – орденом Св. Владимира II степени. В числе знаков отличия М. Л. Фантона де Веррайона была и золотая медаль «За труды по освобождению крестьян».

В 1874 году генерал Фантон де Веррайон состоял по запасным войскам. В 1877 году он был отмечен знаком отличия за 40 лет беспорочной службы⁶. Михаил Львович был женат на дочери валахского великого ворника (министра внутренних дел) Иордаки Филиппеско – Анастасии. Дети: дочь Софья (17.09.1837) и дочь Ольга (27.10.1841)⁷.

Умер Михаил Львович Фантон де Веррайон 23 ноября 1887 года в Санкт-Петербурге.

Примечания:

1. В послужном списке ошибочно написано 1822 года.
2. Черейский Л. Я. Пушкин и его окружение. – Л.: Наука, 1988. – С. 462.
3. Кроме того, 25 августа 1828 года был награждён золотой табакеркой.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 6928. Л. 6.
5. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. XI. – Оренбург: Типо-Литография Б. А. Бреслина, 1913. – С. 356, 525–535.
6. Список генералам по старшинству на 1886 г. – СПб.: Военная Типография, 1886. – С. 149.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6928. Л. 11.

Мишучков А. А. (г. Оренбург)

**НИЩЕЛЮБИЕ ЕСТЬ ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ:
КАНДИД ЗЕЛЕНКО – НАСТОЯТЕЛЬ ХРАМА
ЛОРЕТАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ Г. ОРЕНБУРГА**

«Чему ты так радуешься? – спросили друзья Джованни.
– Я женился. – На ком? – На госпоже Нищете!»
Из жизни святого Франциска Ассизского, 1204 год.

В Оренбурге, многоликом и многоголосом городе, есть много священных известных и забытых памятных мест. Одно из них – за алтарем храма Лоретанской Божией Матери (ул. 8 Марта, 24 а), где находится место вечного упокоения строителя и первого настоятеля храма – Михаила Фаддеевича (духовное имя – Кандида) Зеленко (1799–1860.). Человека легендарного, чьё имя окутано сакральным ореолом мученичества за Христа и бескорыстного служения бедному люду – ссыльным и мещанам г. Оренбурга. Человек огромной силы христианской веры, труженик и бессребреник, ведомый Божиим Промыс-

лом на восточную окраину Российской империи, он увидел свою духовную миссию в том, чтобы служить всем сердцем самым обездоленным людям, в первую очередь, неся духовное утешение своим землякам – польским ссыльным. Появление Кандида Зеленко в Оренбурге в целом удивительно символично. Будучи обвиненным в участии в польском восстании 1830 года, он был сослан в Оренбург и приехал в город 1 октября 1833 года, через 10 дней после посещения города поэтом А. С. Пушкиным. Наверняка не раз он обсуждал со своими друзьями и со своим покровителем – губернатором В. А. Перовским – это посещение поэта, читал и перечитывал «Историю Пугачёва» и «Капитанскую дочку», сопереживая той великой народной трагедии, которая выплеснулась в этом бунте. Будучи сам гонимым, он видел, как в русском, так и в польском бунте некое антихристианское начало, которое подрывало солидарность в обществе, подтачивало духовные силы народа и легитимность власти. Кандид Зеленко не был революционером, свержение царской власти претило его христианскому верноподданническому чувству. Он всячески обличал безбожие «революционности», примирял польских ссыльных с провиденциальным смыслом единства России и Польши, единства царской власти и народа. Но ему было также не чуждо глубокое сопереживание людскому горю, нищете и обездоленности. Это его влекло к нищим, он чурался всякой роскоши и салонных вечеров.

Приняв как христианский крест свое служение людям в Оренбурге, 4 октября 1833 года он обращается к губернатору В. А. Перовскому с просьбой о желании послужить Отечеству в любом качестве и назначении минимального содержания. Только 22.03.1834 года ему стали выплачивать такое жалованье согласно решению В. А. Перовского: «принимая во внимание бедность и скромное поведение ксендза Зеленки, назначить жалованье по одному рублю в сутки»¹. Эти первые полгода в Оренбурге были одними из самых тяжёлых в жизни Зеленко, он находился в отчаянном положении, денег не было даже на продукты, источником доходов были только частные уроки. Надежда была в молитве только на Бога, что Он вспомнит и призовет на служение Себе своё верное чадо. Будучи сам лишен всего, отец Кандид помогал, чем мог, каждому страждущему, который встречался на его жизненном пути. Пытаясь облегчить участь ссыльного, 10 января 1835 года В. А. Перовский подал представление о возвращении на родину М. Ф. Зеленко, который «со времени пребывания своего в г. Оренбурге ведёт себя с примерною скромностию и ни в какой не-

благонамеренности не замечен»². 14 марта 1835 года министр внутренних дел разрешил ссыльному покинуть место ссылки в Оренбургском крае для проживания в одном из доминиканских монастырей на территории Белоруссии. Но узнав об этом милостивом повороте судьбы, М. Ф. Зеленко выбирает решение остаться в Оренбурге, понимая ответственность своей духовной миссии, он не желает себе привилегий, но только быть полезным тем страдальцам, к которым привёл его Христос. Согласно указу Римско-католической духовной коллегии от 4 октября 1835 года № 2239 Михаил Зеленко был допущен «к совершению богослужения и отправлению духовных треб католикам, в г. Оренбурге проживающим»³. А 15 мая 1839 года по высочайшему решению императора назначен капелланом отдельного Оренбургского корпуса⁴. Неоднократные прошения губернатора В. А. Перовского в Санкт-Петербург, в министерство внутренних дел об этом назначении были такими горячими, как будто без отца Кандида было невозможно духовное устройство всего Оренбургского края. И в этом была глубокая правда. Нравственный пример одного труженика вдохновляет тысячи, жар любви одного пастыря ведёт ко Христу всю паству. По словам Ф. М. Достоевского, таких людей называют «всечеловеками», они являются для всех всем, служа каждому человеку из всех сословий общества и не ища награды земной. Более десяти лет с отцом Кандидом общался председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев, живший в Оренбурге. Удивляясь скромности святого отца, он ни разу от него не слышал и слова о превосходстве себя или своей религии перед людьми. Отец Кандид ко всем людям относился с любовью ровно, отзываясь на любое человеческое прошение, от кого бы это не исходило. Вот как он описывает «добротного католика» отца Кандида: «Как христианин, он сохранил твердую веру в Промысел; как человек с умом и волею, он знал, что свет не без добрых людей и терпением можно везде создать себе полезную деятельность; как священник, он устремил эту деятельность на помощь слабым и служение страждущим, всего себя отдав в распоряжение каждому, кто только нуждался в утешении, совете, в содействии»⁵. Будучи капелланом Оренбургского войскового корпуса, отец Кандид много времени был в разъездах, ведь территория корпуса раскинулась «от берегов Волги и Камы до берегов Сыр-Дарьи, и от пределов Сибири до почти границ Персии»⁶. Как пишет Денисов Д. Н.: «ежегодно Михаил Зеленко проезжал на лошадях более 3 тысяч вёрст, чтобы без богослужения и религиозных обрядов не остались даже самые неболь-

шие группы католиков, которые в середине XIX века были рассеяны по 24 городам и крепостям Оренбургского края»⁷. На 1850 год по Оренбургской губернии насчитывалось 1780 верующих католического обряда.

Все жители 20-тысячного Оренбурга знали отца Кандида лично. По воспоминаниям генерала Н. Г. Залесова: «Он с утра до ночи разъезжал по городу на своей неизменной рыжей лошадке с просьбами за какое-нибудь лицо, и для оренбургского жителя показался бы тот день необыкновенным, в который он не увидел бы на улице ксендза»⁸. Отец Кандид считал несчастным тот день, в который он не накормил голодного или не посетил нищего. В. В. Григорьев отмечает: «Зеленку же знали повсюду в крае и повсюду любили: знали и любили не одни сильные мира сего, но и меньшая братия ещё более чем старшая»⁹. Особенно поражало в нём отсутствие религиозной заносчивости и словесного превосходства, в каждом человеке он видел брата во Христе, даже в иноверцах. По слову В. В. Григорьева, отец Кандид «был чужд всякой религиозной исключительности, всякого фанатизма, всякого стремления к прозелитизму. Христианин какого бы то ни было вероисповедания был для него такой же брат во Христе, как римский католик. Последователь ислама, прибегавший к его помощи, мог быть уверен в искреннем и горячем содействии с его стороны столько же, как русский раскольник или реформатор-поляк»¹⁰.

Естественно, такая кипучая деятельность отца Кандида не могла быть скрыта от общественности и гражданских властей, и он не раз обращался к властям открыть общество призрения бедных и официально принимать от благотворителей суммы для пожертвований. По ходатайству М. Ф. Зеленко 21.02.1837 года В. А. Перовский разрешил создать «общество посещения бедных» и принимать благотворительные суммы, сначала только по завещанию умерших, а через несколько лет и от всех жертвователей. Бессменным секретарем общества был назначен ксендз Кандид Зеленко. С 11.01.1841 года в связи с увеличением жертвуемых сумм была заведена шнуровая книга для их приема. О масштабе такой, только частично известной благотворительной деятельности отца Кандида, свидетельствует И. Ф. Бларамберг, что за «первые 7 лет он раздал среди населения города в общей сложности более 20 тысяч рублей ассигнациями»¹¹.

Много было тайных жертвователей в общество бедных у отца ксендза, по слову Спасителя «творите милостыню тайно», но были и те, которые открыто помогали обществу. Одна из них – Матильда Пет-

ровна Обручева, жена губернатора Оренбургского края В. А. Обручева (1793–1866). По воспоминанию И. Ф. Бларамберг, она была «урожденной Ригенсерин, французкой по происхождению, писаной красавицей, высокой блондинкой, образованной и приветливой в общении»¹².

Священник Н. Н. Модестов приводит свидетельство о благотворном сотрудничестве отца Кандида и Обручевой: «Чтобы увеличить средства общества посещения бедных, генеральша Обручева устраивала благородные спектакли, действующими лицами были адъютанты, офицеры Генерального штаба, инженеры и дамы военного округа», Зеленко был секретарем общества и «милостынераздателем»¹³. При губернаторе В. А. Перовском отец Кандид был абсолютно самостоятелен в тайной и явной раздаче милостыни. Суммы жертвователей так усилились, что он по разрешению Перовского устроил «первое в Оренбурге частное заведение для обучения бедных девочек шитью и рукоделию». Заслуженно отец Кандид пользовался огромным доверием и уважением со стороны гражданских и военных властей. Генерал Н. Г. Залесов вспоминает: «Одаренный большим умом, неимоверной терпеливостью в достижении своих целей, кроткий, со всеми ласковый и обходительный Зеленко уже при Перовском пользовался большим влиянием на административные дела Оренбургского края»¹⁴.

За свою самоотверженную деятельность по помощи бедным отец Кандид Зеленко был отмечен неоднократно благодарностью властей, а «25 ноября 1850 года генерал В. А. Обручев представил Зеленку к награждению орденом святой Анны 3 степени, но вместо того он был награжден золотым наперсным крестом»¹⁵. Крест был вручен от имени императора с надписью «Пастырю, дающему пример пастве словом и житием». Но не земных наград искал в своей жизни монах доминиканского ордена Кандид Зеленко, а вечной награды от Спасителя Иисуса Христа, которому он верно «до живота своего» служил. В житии святого Франциска Ассизского есть эпизод, когда он встречает прокажённого на дороге, и на ум ему приходят слова Христа о принятии больных, нищих и заключённых как самого Спасителя. Воодушевлённый святой Франциск припал к прокажённому с «поцелуем мира», воздавая любовью Христа отверженному нищему. В жизни отца Кандида такие встречи были постоянны, он не гнушался оставленных всеми больных и нищих, утешая их и наставляя в последний путь Святыми Тайнами. Один из таких ярких примеров: «Особенно рев-

ностную и самоотверженную пастырскую деятельность проявил Зеленко в 1848 году, когда напутствуя больных и умирающих от холеры, он безбоязненно шёл навстречу смерти¹⁶. Таким же «геройским самоотвержением» был отмечен обществом священник Петропавловской военной церкви отец Стефан Содальский, причащавший умирающих больных. Во время этой холерной эпидемии в 1848 году умерло по Оренбургской губернии более 4000 человек. После сугубого молебна перед чудотворной иконой Табынской Божией Матери эпидемия пошла на спад. Это событие вошло в текст акафиста иконы.

Духовно врачуя и посещая Христа в сердцах обездоленных, отец Кандид делом своей жизни как духовное лицо видел строительство и украшение земного храма Божьего. При его назначении в 1839 году капелланом он устроил в Оренбурге походную католическую церковь, первоначально помещавшуюся в арендованном доме, а после – в особо устроенном деревянном здании. Пять лет шла переписка с властями о разрешении строительства каменного здания костела, в 1844 году оно было получено, и строительство началось. Закладка костёла совершена была 15 мая 1845 года; осенью 1845 года костёл окончен был вчерне; в 1846 году была произведена в нём внутренняя отделка, а в 1847 году он отстроен был совсем и 20 ноября ксендзом Зеленко освящён¹⁷. Все свои средства, получаемые от жалованья как священника, отец Кандид тратил для общества бедных и для строительства храма. После его смерти у него не нашлось никаких сбережений и личного имущества. Строительство храма являлось главным делом его жизни. Большая часть средств для храма была получена из государственной казны по разрешению покровителей деятельности отца Кандида губернаторов В. А. Перовского и В. А. Обручева. По указу императора Николая I по смете на строительство было заложено государством 6086 рублей серебром из лесного экономического капитала¹⁸. Об этой необходимой государственной поддержке свидетельствует и католический епископ Франциск Симон, посетивший в 1893 году оренбургский костёл и выразивший в своей проповеди особенную радость по поводу того, что «русская казна построила для католиков храм даже на далекой окраине востока»¹⁹.

Всего себя отдал отец Кандид на служение людям, не щадя своего здоровья. По свидетельству Григорьева В. В.: «верный самому себе, Зеленко везде старался делать людям добро, не обращая внимания на принадлежность нуждавшихся в его помощи к тому или иному исповеданию. Утром и вечером двери его скромного жилища открыты были

для каждого, кто только хотел обратиться к его помощи или заступничеству, а с утра и до вечера сновал он по городу, и в 30-ти градусный мороз и в 40-ка градусный жар, под дождём и в метель, хлопоча по чужим надобностям, являясь всюду, куда призывал его долг и человеколюбие, всюду, где мог быть полезным ближнему. Старушка мещанка А. и отставной офицер Б. заболели: об этом дали знать Зеленке, – и вот Зеленка отправляется навестить одиноких, едет от них к доктору с просьбой посетить их и к аптекарю с просьбой отпустить им лекарства даром. Умер чиновник В., оставив без куска хлеба жену и детей, вдове надо выхлопотать единовременное пособие, детей пристроить, а для этого написать, добыть и подать, куда следует, разные прошения и свидетельства, – Зеленка сам пишет прошения, сам хлопочет о получении свидетельств и едет просить, кого нужно, о помещении детей в учебные заведения на казённый счёт. Заходили к нему утром прачка Г. и повар Д., просили отыскать им место, – Зеленка заезжает в десять-двадцать домов узнать, не нужно ли кому повара не пьяницу и прачку не воровку? Умер отставной солдат Е., его и похоронить не на что, – Зеленка хоронит его на свой счёт. Явился иногородний столяр Ж., хочет поселиться в Оренбурге и работать, да нечем обзавестись, – Зеленка добывает ему денег на обзаведение и рекомендует его в двенадцати домах. В семействе З. получено известие о несчастье, постигшем одного из его членов, – Зеленка немедленно отправляется к этому семейству, разузнаёт, в чём дело, указывает средства поправить беду, утешает, ободряет. Словом сказать, он был прибежищем всем беспомощным, всем бесприютным. Выдавались дни ... и нередко, когда он делал до пятидесяти посещений и, несмотря на это, находил ещё досуг вести самую обширную в Оренбурге переписку, так как отовсюду в краю все знавшие его – а кто же его не знал? – обращались к нему в своих надобностях всякого рода, по делам всякого рода, где мог употребить он своё ходатайство. Для некоторых семейств, к которым он почему-либо питал особенную привязанность, где был домашним другом, без совета с которым ничего не делалось и не предпринималось, он, можно сказать, обделывал все дела их от самых важных до самых мелочных, если в тех и других, само собою разумеется, не было ничего дурного. И в числе семейств этих, не излишне заметить, римско-католических было не более, как на половину, остальные же православно-го или евангелического исповеданий»²⁰. После одной из таких бесчисленных поездок по губернии он вернулся совершенно больным, советы врачей оказались ошибочны, его лечили от лихорадки, а было вос-

паление лёгких. К больному проделав путь в 1000 верст 26 октября приехал каноник из Саратова Иоанн Рымша²¹, который присутствовал при последних днях М. Ф. Зеленко. В восемь утра 31 октября (по новому стилю – 13 ноября) 1860 года отец Кандид, напутствуемый Святыми Таинствами, отошел ко Господу. Не было ни одного человека в г. Оренбурге и губернии, который не молился Богу об этом великом нищелюбце. При большом стечении народа он был отпет 3 ноября в храме Лоретанской Божией Матери и похоронен за алтарем храма. Все священнослужители Оренбурга приняли участие в жертвованиях на возведение мраморного надгробия настоятелю храма. По свидетельству современников, памятник ему был сооружен по подписке, в которой приняли участие «священники православные и евангелического исповедания, купцы православные и старообрядцы, два муллы и восемь других магометан»²². Во всех храмах г. Оренбурга возносились молитвы за этого святого человека. Ежегодно в общественных собраниях города проходили чествования памяти отца Кандида Зеленко. В 1900 году прихожане установили на алтарной части стен собора Лоретанской Божьей Матери памятную мраморную доску с надписью, которая в переводе на русский язык гласила: «Ксендзу Михаилу Зеленке, мужу великих заслуг, воспитаннику Виленскаго университета, основателю и первому настоятелю костёла в Оренбурге, скончавшемуся Октября 31 дня, года Господняго 1860. Прихожане в 1900 году»²³. К сожалению, во время закрытия храма при Советской власти в 1932 году, памятная доска исчезла, могила была осквернена.

Но традиция благотворительности стала главной в жизни католического прихода, она продолжается и сейчас. В 1861 году благотворительное общество было переименовано в Общество вспомоществования бедным по г. Оренбургу. Об его широкой деятельности свидетельствует такой факт. Так на 1 октября 1870 года в кассе комитета Общества вспомоществования бедным «состояло билетов на 1296 руб. 94 коп. и серий на 350 руб., наличными деньгами 479 руб. 17 коп.»²⁴.

В июле 1898 года инициативная группа верующих подала на имя губернатора ходатайство о разрешении организовать Приходское благотворительное общество при римско-католической церкви г. Оренбурга. Его учредителями выступили член Оренбургского окружного суда, коллежский асессор Александр Николаевич Вольский, окружной инженер Оренбургского горного округа, коллежский советник Фелициан Викентьевич Стебельский, оренбургский губернский землемер, коллежский советник Иван Антонович Брожинский и мест-

ный купец, владелец пивоваренного завода Егор Егорович Гофман. По рассмотрении предложенного ими проекта 10 сентября 1898 года оренбургский вице-губернатор И. Н. Соколовский утвердил устав католической благотворительной организации²⁵.

Общество преследовало цель оказывать вспомоществование нуждающимся прихожанам Оренбургской римско-католической церкви. Эта помощь могла выражаться:

1) снабжением одеждою, пищею и приютом неимущих, если они не могут приобретать их собственными трудами, равно выдачею им, в крайних случаях, денежных пособий;

2) содействием к приисканию нуждающимся занятий или службы, к приобретению ими для работ материалов и инструментов и к выгодному сбыту изделий бедных тружеников;

3) снабжением бедных больных медицинскими пособиями под наблюдением врача на дому, а также помещением таким больных на счёт Общества в больницы и содействием к погребению умерших;

4) определением престарелых и немощных в богадельни, дома призрения и т. п., а малолетних – в сиротские дома, приюты, убежища, ремесленные и учебные заведения;

5) облегчением и доставлением способов для призрения и воспитания сирот и детей неимущих или неизвестных родителей;

6) распространением в народе книг нравственного содержания;

7) доставлением неимущим средств возвратиться на родину.

Для выполнения указанных задач объединение имело право открывать общественные столовые, чайные, дешёвые квартиры, ночлежные дома, убежища, приюты, училища, общежития, дома трудолюбия, больницы, амбулатории и тому подобные заведения²⁶.

Общество ещё больше расширило сферу своей деятельности не только по г. Оренбургу, но и по всей губернии. В 1904 году оно учредило начальную школу имени К. А. Чеховича. Размер капиталов общества вырос в 1906 году до 5591 руб.,²⁷ а количество членов общества в 1907 год увеличилось до 109 человек. Причём это были не только предприниматели, а в основном творческая и техническая интеллигенция. Количество католиков в Оренбургской губернии выросло в 1910 году до 10794 человек²⁸. В самом Оренбурге их было только 2667 человек, а в 1915 году – около 5000 человек. С началом Первой мировой войны к марту 1915 года в Оренбургской губернии находилось 3825 поляков-переселенцев, для их обустройства был создан Оренбургский польский комитет помощи жертвам войны²⁹. Приходское

благотворительное общество открыло в 1915 году в здании наследников Е. Е. Гофмана на Неплюевской ул., 44 (ныне Ленинской) Дом трудолюбия с прачечной, столярной, сапожной и другими мастерскими³⁰.

После закрытия храма при Советской власти в 1932 году до 1993 года в нём находился кожевенный цех. С 1994 года в храме возобновлены богослужения. Традиция благотворительности в приходе нашла своё новое воплощение. С января 2001 года при приходе храма было открыто отделение «Каритас Оренбургской области», в работе которого священникам помогают сестры из Конгрегаций Служительниц Богородицы Девы Непорочно Зачатой и Вознаградительниц Пресвятого Лица. Сёстры проводят занятия с детьми в воскресной школе, опекают больных и стариков, ведут подготовку к таинствам, принимают участие в проведении летних духовных упражнений. Согласно уставу задачами «Каритас Оренбургской области» являются: исповедание христианской веры; осуществление благотворительной деятельности и социального служения; содействие возрождению в обществе принципов христианского милосердия. Со времени регистрации объединения его работниками на территории области было реализовано несколько десятков масштабных благотворительных проектов. Организованы центр для детей из социально неблагополучных семей, сбор вещей и канцелярских принадлежностей к началу учебного года, открыта приходская бесплатная столовая для неимущих, налажена опека на дому одиноких инвалидов, в рамках проекта «Реновабис» оказана практическая материальная помощь беженцам и вынужденным переселенцам из Чечни, Таджикистана, Узбекистана и других регионов³¹.

Символично, что с 1994 года в храме несут служение священники из ордена редemptористов, чьё призвание – «проповедовать Евангелие самым бедным и заброшенным ... евангельской простотой жизни и речей, а также самоотречением и готовностью приняться за любой труд, дабы нести людям Многое Избавление» (Конституция ордена, 20). Традиция нищелюбия как подражания Христу, благодаря деятельности ордена, снова стала частью духовного возрождения в Оренбургском крае.

Недаром в заголовок статьи вынесен эпитафия из жизни Франциска Ассизского, «Апостола нищеты». Как и Франциск, отец Кандид Зеленко, будучи из богатой семьи, отрёкся от роскоши и стал монахом, повенчался с «бедностью», возлюбил её как супругу. Как и Фран-

циск, который обменялся одеждами с нищими у паперти храма святого Петра в Риме, отец Кандид отдал свои одежды обездоленным жителям Оренбурга, являя собой пример «бедного жития», как идеал «евангельского совершенства». Всей своей жизнью он исполнил завет «бедности» святого Франциска: «Да опасаются братья принять церкви, бедные жилища и всё, что построено для них, если они не соответствуют святой Бедности, которую мы обещали в Уставе ордена; и должны они обретать там приют только как странники и пришельцы». Эти слова – из «Завещания» святого Франциска Ассизского, составленного им в 1226 году³².

Его завещание несёт в своем сердце и Папа Римско-Католического Престола Франциск, который избрал нищелюбие символом своего служения: «Существует духовная бедность, которая захватила современного человека. Мы бедны любовью, хотя имеем жажду правды и справедливости. Но самой большой бедностью является отсутствие Христа, и если не несём Христа людям, то что мы делаем для них»³³. В Латинской Америке он по праву был назван «Папой трущоб», посещая дома бразильских бедняков. В одном из районов таких трущоб в Варгине он произнес: «Я несу каждого из вас в моём сердце и готов разделить то, что глубоко внутри вас: благодарность за радость, мольбы о помощи в минуты трудностей, жажду утешения в периоды горя и страданий»³⁴. Обращаясь к современным священнослужителям, он призвал их к миссии нищелюбия в одной из своих проповедей: «Об этом я вас прошу: будьте пастырями, «пахнувшими потом своих овец», пастырями среди своей паствы и ловцами человеков»³⁵. Именно таким добрым пастырем своих овец был отец Кандид Зеленко, его нравственный пример – есть лучшее в современном пастырском служении.

В деле духовного возрождения не может быть конфессионального разделения, идеологии превосходства и прозелитизма в религии. Общие тенденции духовной деградации общества, в первую очередь, связанные с неверием и потребительством, – как проблемы стоят перед каждой христианской конфессией. Пример отца Кандида Зеленко, который вместе с православным священником Стефаном Содальским шёл спасать холерных больных в 1848 году, крайне важен в современности. Актуально для католицизма в России звучат слова Папы Франциска: «Потребительство, благополучие причинили нам много вреда. А они (православные) сохранили красоту Бога в центре. Читая Достоевского, а его нужно всем читать и к нему возвращаться, я прони-

каю в русскую, восточную душу. И это очень нам помогает. Мы нуждаемся в этом обновлении, в свежем ветерке, в свете с Востока»³⁶.

13 ноября 2014 года исполняется 154 года со дня кончины первого настоятеля храма Лоретанской Божией Матери г. Оренбурга – Кандида Зеленко. В этот день было бы исторически справедливо проводить при приходе храма благотворительные акции для бедных граждан г. Оренбурга, гражданскую и церковную панихиду по отцу Кандиду Зеленко. Восстанавливая о нём историческую память, как о строителе храма и организаторе благотворительной деятельности в Оренбурге, приходу костёла можно было бы обратиться ко всем священнослужителям и жителям г. Оренбурга с призывом открыть подписку на сооружение мемориального надгробия и бюста отцу Кандиду Зеленко. Его яркий пример христианского служения необходим в нашем обществе, где утрачивается дух милосердия, где нужен пример для каждого пастыря всех конфессий в Оренбурге для служения всем жителям, невзирая на вероисповедание и сословие.

Примечания:

1. Модестов Н. Н. Бывший префект гродненской гимназии, иеромонах доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге: исторический очерк // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Выпуск XXVIII. – Оренбург: Тип. Тургайск. Обл. Правления, 1913. – С. 14.
2. Денисов Д. Н. Католицизм в конфессиональном пространстве Оренбургского края (конец XVIII – начало XXI вв.). – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 9.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 44.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 10732. Л. 61–79.
5. Модестов Н. Н. Указ. соч. – С. 75.
6. Там же. – С. 75.
7. Денисов Д. Н. Указ. соч. – С. 26.
8. Модестов Н. Н. Указ. соч. – С. 282. Цит. по: Русская старина. – 1903. – Май.
9. Модестов Н. Н. Указ. соч. – С. 76.
10. Там же. – С. 77–78.
11. Бларамберг И. Ф. Воспоминания. – М.: Наука, 1978. – С. 266–267.
12. История Оренбуржья // Оренбургская Шевченковская энциклопедия / под ред. Обручева М. П. [Электронный ресурс]. URL: <http://kraeved.opck.org/biblioteka/enciklopedii/ose/o.php> (дата обращения: 15.11.2014).
13. Модестов Н. Н. Указ. соч. – С. 47.
14. Там же. – С. 59.
15. Модестов Н. Н. Указ. соч. С. 40.
16. Там же. – С. 42.

17. Денисов Д. Н. Указ. соч. – С. 12.
18. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 48–48 об.
19. Оренбургский листок. – 1893. Цит. по: Модестов Н. Н. Указ. соч. – С. 42.
20. Григорьев В. В. о Зеленко // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Выпуск XXVIII. – Оренбург: Тип. Тургайск. Обл. Правления, 1913. – С. 77.
21. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13756. Л. 1–3 об.
22. Северная пчела. – 1861. – № 74. Цит. по: Модестов Н. Н. Указ. соч. – С. 64.
23. Модестов Н. Н. Указ. соч. – С. 64.
24. Модестов Н. Н. Указ. соч. С. 45. Цит. по: материалам архива ОУАК, гражданское дело от 20.07.1865. С. 123–124.
25. Денисов Д. Н. Указ. соч. – С. 56.
26. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 157. Л. 1–10 об., 16.
27. Денисов Д. Н. Указ. соч. – С. 63.
28. Там же. – С. 74.
29. Там же. – С. 82.
30. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 157. Л. 150–152; Оренбургское слово. – 1915. – 21 ноября. – № 90 (259). – С. 1.
31. Смирнова Н. А. Католицизм // Конфессии и религиозные объединения в Оренбургской области. Справочник. – Оренбург: ИК ОРЦСИ, 2012. – С. 88.
32. Завещание (Франциск Ассизский). [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikiquote.org> (дата обращения: 15.11.2014).
33. Папа Франциск: величайшая бедность – отсутствие Христа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.katolik.ru/vatikan/116133-papa-frantsisk-velichajshaya-bednost-otsutstvie-khrista.html> (дата обращения: 15.11.2014).
34. Крымская газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://gazeta.crimea.ua/articles/papa-francisk-asket-bolelshik-i-zashitnik-bednyakov-4781> (дата обращения: 15.11.2014).
35. Проповедь Святейшего Отца Франциска. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.radiovaticana.va/storico/2013/03/28/%D0%BF/rus-677815> (дата обращения: 15.11.2014).
36. Папа Римский Франциск о православии: Мы нуждаемся в свете с Востока. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/papa-rimskij-francisk-o-pravoslavii/#ixzz3GVAmr3jF> (дата обращения: 15.11.2014).

Васильева М. А. (г. Оренбург)

**ВКЛАД И. А. КАСТАНЬЕ
В ИЗУЧЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДА ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЁНОЙ
АРХИВНОЙ КОМИССИИ)**

На сегодняшний день одним из ведущих направлений региональной археологии является изучение истории археологических исследований степного Южного Приуралья.

Ведущими археологами были выделены 4 основных периода развития археологической науки Южного Урала:

1 период (30-е годы XVIII века – начало XX века) характеризуется зарождением интереса к изучению памятников древностей Южного Урала;

2 период (вторая четверть XX века) отмечен несистематическими исследованиями археологических памятников Оренбургского края, главным образом, учёными других регионов;

3 период (начало 1950-х – середина 1970-х годов XX века) – время активного научного изучения археологии Оренбуржья, связанного с деятельностью Южно-Уральской (Оренбургской) археологической экспедиции;

4 период (1977 год – наши дни) – создание на базе Оренбургского педагогического института им. Чкалова (ныне Оренбургский государственный педагогический университет) археологической лаборатории; деятельность Оренбургской археологической экспедиции, возглавляемой Н. Л. Моргуновой. Одновременно на территории Оренбургской области работают археологи из Москвы, Уфы, Самары, Челябинска¹.

Особый интерес у современных исследователей вызывает первый период (30-е годы XVIII века – начало XX века), когда происходит формирование оренбургской археологической науки. Именно в XVIII веке были заложены предпосылки для научного изучения древностей Южного Урала (в основе лежит деятельность Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова). Уже во второй половине XIX века были проведены научные раскопки на Южном Урале (Р. Г. Игнатьев) и на территории современной Оренбургской области (Ф. Д. Нефёдов). В 1887 году был образован первый местный центр изучения оренбургской истории – Оренбургская учёная архивная комиссия, которая внесла значительный вклад в развитие археологической науки. Так, в результате проведённых комиссией раскопок был получен разнообразный материал, характеризующий древнейшую историю приуральских степей.

Особое место среди оренбургских исследователей конца XVIII – начала XIX веков занимает Жозеф-Антуан Кастанье, французский исследователь, чьё имя тесно связано с изучением самых различных сторон истории Оренбургского края и Центральной Азии.

Жозеф-Антуан Кастанье (позже поменявший имя на Иосифа Антоновича) родился в 1875 году в небольшом французском городке

Гайяк. Окончил лицей в Тулузе и высшие курсы французского языка, получил диплом преподавателя.

В Россию И. А. Кастанье приехал в 1899 году и поначалу поселился в г. Пятигорске, где работал учителем французского языка в частной прогимназии и в женской гимназии графини Евдокимовой. В 1901 году сдал квалификационный экзамен во Владикавказе и в том же году вместе с женой и дочерью перебрался в Оренбург. Преподавал французский язык сначала в Оренбургском реальном училище, а затем в Оренбургской мужской гимназии и Неплюевском кадетском корпусе.

Будучи на Кавказе, И. А. Кастанье начал заниматься этнографическими исследованиями, которые он продолжил в Оренбурге, добавив к своим увлечениям историю и археологию. В 1902 году И. А. Кастанье был избран действительным членом Оренбургской учёной архивной комиссии, а с сентября 1909 года – её вице-председателем. В 1904 году от Санкт-Петербургской археологической Императорской комиссии он получил право на проведение раскопок и с этого времени стал проводить рекогносцировочные поездки по всем уездам Оренбургской губернии и эпизодические раскопки на этой территории. Результаты своих исследований он публикует с 1904 года на страницах периодической печати².

Так, в «Трудах Оренбургской учёной архивной комиссии» сохранились 7 статей по археологии и 2 монографии И. А. Кастанье – «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» и «Надгробные сооружения Киргизских степей».

Одной из первых опубликованных работ в «Трудах Оренбургской учёной архивной комиссии» стала статья И. А. Кастанье «Погребальные обряды у калмыков и у ламаитов вообще», в которой рассматривается вопрос о происхождении курганов, расположенных в «киргизских» (казахских) степях (территория от Волги до Сыр-Дарьи). Автор, опровергая предположения других археологов (Ф. Д. Нефёдов связывал проявление данных курганов с монголами; Н. Н. Харузин – с обрядами калмыков), утверждает, «что подобные памятники калмыки и монголы ламаитского исповедания соорудить не могли: во-первых, потому, что эти курганы были воздвигнуты до прибытия калмыков в Россию; во-вторых, потому, что не было и не бывает курганного рода способов погребения у калмыков»³. Данные заявления Иосиф Антонович подтверждает выдержками цитат различных авторов (Палласа, Омер де Гелля), занимавшихся темой погребальных

обрядов монгольских народов ламаитского исповедания, а также собственными этнографическими материалами, полученными во время написания данного исследования.

В своей работе И. А. Кастанье обратил внимание на особенности проведения обрядов перед и после кончины, а также погребения калмыков и монголов ламаитского исповедания. Так, в статье было отмечено, что «перед кончиной кого-либо из калмыков обыкновенно спешат послать за гемонгом⁴, молятся бурханам⁵ и приносят жертвы; как только скончается, все переходят из этой кибитки в другую, а при умершем остаются только гелюнги⁶. И так поступают все ламаитские монголы (буряты, тибетцы и др.)»⁷.

Автор, опираясь на рассказы путешественников, отмечал, что у калмыков, также как и других народов, существует 7 различных способов погребений, объясняя это явление тем, что для того или иного способа погребения необходимо учитывать день рождения, день смерти, общественное положение и причину смерти. Иосиф Антонович обращает внимание на то, что ни один из этих способ погребений «не сходен со способами погребений в курганах», обнаруженных им на территории «киргизских» (казахских) степей. При этом И. А. Кастанье приводит сравнительный анализ погребений у калмыков и ламаитских монголов с найденными курганами в казахских степях⁸.

В заключении статьи И. А. Кастанье замечает, что «калмыки вообще не могли воздвигнуть курганов в киргизских степях»⁹.

Следует отметить, что Иосиф Антонович Кастанье на протяжении длительного времени активно занимался самостоятельными археологическими раскопками. Так, в «Обзоре археологических раскопок в Оренбургской губернии и в Киргизской степи», составленном А. В. Поповым и И. А. Кастанье отмечено, что «в 1904 году г. Кастанье произвёл археологические исследования в Актюбинском уезде Тургайской области»¹⁰. Раскопки производились в пещерах Чейли, близ р. Чейли; около р. Жаман-Каргалы по дороге из Ашу-Сай в Актюбинск. Всего было исследовано 7 курганов и могил «киргизов» (казахов).

Как правило, учёный, кроме подробного описания найденных в ходе раскопок предметов, сравнивал обнаруженный материальный источник со схожими захоронениями в других регионах и странах. Например, в отчёте о раскопках 6 курганов в Актюбинском уезде летом 1906 года, опубликованном в «Трудах Оренбургской учёной архивной комиссии» в 1907 году, И. А. Кастанье проводит аналитическую параллель курганов «киргизских» (казахских) степей с древними захоро-

нениями, найденными на территории Китая: «На горе видно несколько старых киргизских могил и выше всех большое нагромождение камней в виде памятника. Камни, видимо, были подобраны и привезены издалека. Но то, что меня [И. А. Кастанье] особенно поразило, это присутствие на памятнике нескольких круглых камней, грубо обтёсанных и напоминающих человеческие головы.

Курганы такого рода встречаются по всей киргизской степи и в Китае. Они составляют особого рода могилы, отличающиеся от обыкновенных курганов из земли. Редко они попадают группами, а скорее отдельно и чаще всего на высоких местах. Куча камней над ними составляет род надгробного памятника. Такого рода сооружения только без погребений существуют и в Монголии под названием «Обо»: они воздвигнуты в честь духа гор.

Отсюда вытекает, что эти возвышенные места – священные; это же могло выпасть на долю данной горы [возвращение к «киргизскому» кургану]; и в самом деле, здесь среди камней попались несколько камней в виде человеческих голов, более или менее грубо обтесанных.

В заключение я [И. А. Кастанье] скажу, что этот курган очень древний и может быть отнесён к первым векам нашей эры»¹¹.

Особого внимания заслуживает Отчёт о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 года, в котором И. А. Кастанье описываются курганы, расположенные близ села Покровка и обнаруженные местными жителями.

Так, Иосиф Антонович обращает внимание исследователей на тот факт, что при осмотре выброшенной земли из ям им были собраны вещи: две золотых бусины, золотое изображение бараньей головы, два обломка дерева с сохранившейся гравировкой, обломок кости с разным украшением, глиняная бусина, осколки стеклянной посуды и прочие. Четыре кургана были разрыты кладоискателями в 7–8 верстах (1 верста – 1,066 км) от села Покровка. Два из них расположены на возвышенностях, два других – на ровном месте в степи, на границах крестьянских и казахских земель¹².

Из опубликованного отчёта И. А. Кастанье видно, что найденные захоронения не единичны: «В июле 1911 года было осмотрено множество курганов, тянувшихся по одной линии на господствующих возвышенностях реки Хобды. Курганы расположены в большинстве случаях группами по два, по пять подряд, причем размеры их довольно внушительны: от 40–60 саж. в окружности (1 сажень – 2,16 м.) и от трёх до шести, семи аршин отвесной высоты (1 аршин – 0,7 м.). Форма

их куполообразная, они из земли, у подножия некоторых из них замечается четыре более или менее глубоких выемки»¹³.

Кроме того, учёный отмечал, что крестьянами было найдено множество золотых вещей, так как во время раскопок попадались крошечные обломки тонких золотых листков, видимо, собранных с разных предметов.

Следует отметить, что подобные самовольные раскопки крестьянами были не единичны. В архивном фонде Оренбургской учёной архивной комиссии сохранилось описание хищнических раскопок недалеко от д. Прохоровки 2-й Михайловской волости Оренбургского уезда летом 1911 года. Тогда же И. А. Кастанье были изъяты все предметы, найденные крестьянами, и занесены в каталог музея. В свою очередь, крестьяне считали себя собственниками найденных ими при раскопках предметов и требовали вознаграждения за отобранные у них «древности». В своём прошении приставу 2-го стана Оренбургского уезда Филатову от 8 декабря 1911 года они отмечали: «Копало три партии крестьян. В первой насыпи ими (в кургане) найдено: из красного золота трубка, согнута кольцеобразно в виде змеи, по концам головы в виде дракона; меч, перебитый на две части рукоятки от кинжала; брусок серого цвета; шарик стеклянный синего цвета с дырой; бронзовый поднос с ручкой небольшого размера; бронзовое кольцо небольшое с золотой оправой.

Во второй насыпи: две тарелки чистого серебра; поднос в виде золотого или бронзового (сохранена орфография документа); (предмет) в виде колеса с четырьмя спицами; меч; кольцо с прилитой золотой проволокой; два камушка в виде бирюзы, один из них четырёх угольный синеватого цвета; ложки костяные.

В третьей насыпи: копьё, шашка и 15 стрелков; поднос с рукой в виде золотого или бронзовый (сохранена орфография документа); пять камушков фосфорных / фарфоровых белого цвета; золотой прут, выделанный на подобие змеи; чашка с ложкой костяной»¹⁴.

Наряду с археологией, И. А. Кастанье занимался изучением традиций и обрядов «киргизского» (казахского) народа. Первый объёмный труд по данной тематике был опубликован в 1906 году в «Трудах Оренбургской учёной архивной комиссии». Это «Отчёт о поездке в Туркестан», где Иосиф Антонович подробно описал увиденное им в путешествии. В его работе собран богатейший материал об особенностях погребальных обрядов, устройстве казахских кладбищ, повседневной жизни и общественной организации кочевых народов¹⁵.

Подводя общий итог деятельности И. А. Кастанье в регионе и оценивая его вклад в изучение Оренбургского края и казахских степей, следует отметить, что труды этого исследователя не стали знаковыми в археологическом изучении памятников степного Приуралья. Но, тем не менее, он сумел войти в интеллектуальную жизнь Оренбуржья, а его работы по-прежнему остаются одними из основных источников по истории археологического исследования Южного Урала и Центральной Азии.

Примечания:

1. Евгеньев А. А. Оренбургская Учёная Архивная Комиссия и проблемы оренбургской археологии // Материалы региональной научно-практической конференции молодых учёных и специалистов Оренбургской области. Ч. 1. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. – С. 11.
2. Горшенина С. М. Странный археолог Кастанье // Звезда Востока. – 1996. – № 3. – С. 149.
3. Кастанье И. А. Погребальные обряды у калмыков и у ламаитов вообще // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. Вып. XIV. – Оренбург: Типо-литография И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – С. 178.
4. Гемонгами называются калмыцкие жрецы; они ведут безбрачную жизнь и пользуются большим уважением в народе.
5. Бурханами называются статуэтки, изображающие буддийских божеств.
6. Гелюнги – это калмыцкие монахи.
7. Кастанье И. А. Погребальные обряды у калмыков и у ламаитов вообще // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. Вып. XIV. – Оренбург: Типо-литография И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. – С. 179.
8. Там же. – С. 180.
9. Там же. – С. 187.
10. Кастанье И. А., Попов А. В. Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и Киргизской степи // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. Вып. XVI. – Оренбург: Паровая Типо-литография Ф. Г. Каримова, 1906. – С. 223.
11. Кастанье И. А. Отчёт о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. Вып. XIX. – Оренбург: Паровая Типо-литография Товарищества «Каримов, Хусаинов и К^о», 1907. – С. 107–111.
12. Кастанье И. А. Отчёт о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 г. // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. Вып. XXIX. – Оренбург: Типография «Каримов, Хусаинов и К^о», 1913. – С. 73.
13. Там же. – С. 74–75.
14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 96. Оп. 1. Д. 39. Л. 116–116 об.
15. Кастанье И. А. Отчёт о поездке в Туркестан // Труды Оренбургской Учёной Архивной Комиссии. Вып. XVI. – Оренбург: Паровая Типо-литография Ф. Г. Каримова, 1906. – С. 176–201.

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЬСКИЕ КСЕНДЗЫ В ВЕРХНЕУРАЛЬСКЕ (1869–1871 ГОДЫ)

В 1860 – начале 1861 годов в Варшаве прошли патриотические манифестации, устроенные в память борцов за независимость Польши и поддержанные католическим духовенством. В процессиях, выходивших из костёлов, принимали участие воспитанники учебных заведений, женщины и дети. Они проходили по городу, неся польские национальные значки и эмблемы, портреты героев, распевая полурелигиозные-полуполитические гимны, осыпая ругательствами встречавшихся полицейских.

5 августа 1861 года в качестве ответных мер были утверждены Положения Комитета Министров «О правилах на случай объявления каких-либо местностей Западных губерний на военном положении»¹ и «Об учреждении Полицейских Судов в Западных губерниях»². Все жители и чиновники Западных губерний, в которых вводилось военное положение, объявлялись подвластными военному суду. Военные начальники губерний могли удалить из местности, объявленной на военном положении, всех иностранцев, праздно-проживающих и подозрительных людей. В целях прекращения беспорядков запрещалось публичное пение гимнов и песен, направленных против существующего правительственного порядка, публичное ношение условных отличительных знаков, публичные денежные сборы без предварительного разрешения полиции в пользу лиц, подвергшихся правительственным взысканиям, всякое оказание неуважения или противодействия должностным лицам. Виновные в беспорядках приговаривались к различным срокам заключения и денежным штрафам. 31 августа 1861 года Киевскому военному, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору предоставлено право проводить суд над подозреваемыми в политических беспорядках с вынесением окончательного приговора в течение 24 часов³. 14 января 1863 года Высочайшим рескриптом Виленскому военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому генерал-губернатору разрешено принимать любые меры, необходимые к охранению спокойствия в крае⁴. Военное положение сохранялось на территории отдельных губерний Северо-Западного края вплоть до 1872 года.

28 мая 1863 года Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору А. П. Безаку был доставлен циркуляр Министерства внутренних

дел за № 80, в котором указывалось, что вследствие большого количества «признанных вредными по политическим стремлениям лиц» в Западных губерниях для их уроженцев местом ссылки была избрана Оренбургская губерния⁵. С 29 июля 1863 года по предложению А. П. Безака город Бирск был определён местом ссылки для неблагонадёжных католических священников – ксендзов «в видах предупреждения того влияния, которое они могли бы иметь при размещении по разным городам губернии»⁶. Всего в 1863–1864 году в Оренбургскую губернию было выслано под надзор полиции 483 человека⁷. 17 марта 1867 года Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский недовольный большим количеством ссыльных, писал министру внутренних дел П. А. Валуеву: «У меня Бог знай что стал за народ в губернии: разные раскольники, бабки-яги, офицеры, купцы, мастеровые и масса политических преступников»⁸.

При этом, несмотря на отдаленность от культурных и религиозных центров, высланные в провинциальные города Оренбургской губернии на жительство ксендзы пытались проводить богослужения в соответствии с церковными обрядами.

Так, 14 февраля 1869 года Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский получил уведомление от товарища (заместителя) министра внутренних дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского, который проинформировал его, что находящиеся в Верхнеуральске под надзором полиции политические ссыльные, ксендзы Мечислав Табенский и Иосиф Држевинский, в своей квартире ежедневно отправляли богослужения и церковные требы, в которых участвовали политические ссыльные Валериан Бружевич, Франц Понфилович, Александр и Сигизмунд Яздовские и Владислав Липский⁹. Генерал-губернатору поручалось провести тщательное расследование с целью собрать сведения о распространении католицизма среди местного населения. 15 марта 1869 года изучение обстоятельств дела было поручено находящемуся в Верхнеуральске чиновнику по особым поручениям при Оренбургском генерал-губернаторе титулярному советнику Хотяинцеву.

В ходе следствия выяснилось, что ксендзы Табенский и Држевинский были направлены на жительство в Верхнеуральск по распоряжению Главного Начальника Северо-Западного края 19 марта 1867 года за неблагонадёжность в политическом отношении. Липский был выслан в Верхнеуральск по конфирмации Командующего войсками Киевского военного округа за участие в мятежных шайках. Бруже-

вич, Понфилович и братья Яздовские вернулись на родину в ноябре 1868 года. Все вышеперечисленные лица аттестовались местным начальством одобрительно.

12 апреля 1869 года Хотяинцев в рапорте докладывал, что «каплицы здесь в настоящее время нет, и нет положительно данных предполагать, чтобы она могла быть устроена и в прошлое время, но ссыльные ксендзы Табенский и Држевинский, живя вместе на одной квартире, ежедневно производят моление в обыкновенной жилой комнате, большей частью утром, и иногда число приходящих к ним в это время соотчицей доходит до пятнадцати человек; моления сии принимали более торжественный вид, при хоре нескольких музыкантов во время приезда сюда Оренбургского Католического Ксендза. Обстоятельства эти были известны местной полиции, которая имела негласный надзор над ссыльными ксендзами. Распространения католицизма здесь также быть не могло, и попытка ссыльных поляков осталась бы всегда не успешна в крае, где всё население не имеет к ним сочувствия»¹⁰.

Однако 27 апреля 1869 года Хотяинцев отправил Н. А. Крыжановскому новый рапорт, в котором сообщил, что после проведения обыска на чердаке хозяина наёмной квартиры ксендзов унтер-офицера Миронова 22 апреля 1869 года в одном из углов были обнаружены вещи, используемые при совершении католического богослужения, завёрнутые в особую скатерть, лежащую на деревянном столе. Согласно описи это были¹¹: 1) аспидный четырёхугольный камень, величиною в четвёртую долю листа, оправленный в дерево, на обратной стороне которого (на дереве) латинская надпись, а ниже этой надписи приложена сургучная печать с латинской же надписью; 2) три листа, напечатанные на латинском языке и наклеенные на картон; 3) три шёлковых куса, обшитых позументом, и с позументными крестами в середине; 4) серебряная (польского серебра) позолоченная внутри чаша; 5) такая же позолоченная внутри тарелочка; 6) жестяная круглая коробка с облатками, употребляемыми для причащения; 7) стеклянная небольшая бутылочка с водой; 8) лоскут белого полотна на манер скатерти; 9) небольшой лоскуток полотна с вышитым посередине оного красной бумагой крестом; 10) лоскут белого полотна с завязками; 11) шёлковая обшитая позументами риза; 12) нарукавники из парчи; 13) служебник в кожаном переплёте; 14) два шёлковых пояса; 15) белая длинная миткалевая рубаха с вязаной обшивкой на рукавах; 16) такая же рубаха покороче; 17) гарусный голубой с кистями

шнур и два деревянных ручной работы подсвечника с огарками восковых свечей.

24 ноября 1869 года расследование обстоятельств дела было передано чиновнику по особым поручениям при Оренбургском генерал-губернаторе титулярному советнику Соколову. На допросе ксендз Табенский заявил, «что все найденные вещи принадлежат ему, из числа их чаша освящена епископом в Вильно». Однако он отрицал совершение им общественных богослужений, так как «в служебнике, имеющемся у него, не достаёт некоторых молитв, без которых не может совершаться полное литургическое богослужение по образцу Римско-Католической Церкви». Найденные вещи он хранил на чердаке с целью обезопасить их от детей хозяина дома, которые могли разбросать их, так как двери не запирались на замок. Устройство чердака, имевшего один вход и наполнявшегося сеном, не имело ни в каком случае вида часовни¹².

По показанию унтер-офицера Миронова, найденные вещи были перенесены с его дозволения за три или четыре дня до второго обыска. Молиться на чердак ссыльные священники ходили одни, до этого к ним приходили для общей молитвы пять или шесть поляков, но находились ли в то время ксендзы в ризах ему неизвестно¹³.

Урядник Павел Фёдоров, у которого ксендзы снимали квартиру ранее, показал, что в одной из комнат, занимавшихся ими, собирались каждодневно для моления человек пять или десять поляков; Држевинский однажды стоял во время молитвы в белой одежде. Кроме того, моления посещали казаки Верхнеуральской станицы Степанов и Иванов, отставные солдаты Валинский, Мачальский, Андрианович и семейство поручика Кудрявцева. Казаки Степанов и Иванов показали, что по приглашению состоявшего под надзором полиции поляка Владислава Силича они участвовали в музыкальном концерте, моление совершалось ксендзом, приехавшим из Оренбурга. Андрианович сказал, что посещал ксендзов для получения наставлений в делах веры, в Троицын день, но музыки не слышал, хотя и видел в это время поляков Силича и Румеля, и казаков Степанова и Иванова. Валинский утверждал, что был у ксендзов не более четырёх раз для присутствия при чтении молитв. Жена отставного поручика Кудрявцева сказала, что они посещали ксендза Табенского во время его болезни.

Рассмотрев обстоятельства дела, Соколов пришёл к выводу, что так как в циркулярных распоряжениях Министерства внутренних дел, состоявшихся в разное время о порядке надзора, не имеется никаких

указаний на этот случай, то при поступлении в суд данное дело встретит затруднения, вследствие отсутствия оснований к объявлению нарушения¹⁴. К тому же Табенскому и Држевинскому не было запрещено «совершать духовные требы и вообще исполнять священнические обязанности»¹⁵, как например, ссыльному ксендзу Виленского Остробрамского костёла Шульцу.

4 апреля 1870 года Иосиф Држевинский получил разрешение на выезд в Тамбовскую губернию, однако был оставлен в Верхнеуральске до конца расследования. 5 мая 1871 года Оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский получил уведомление Министерства внутренних дел за № 3911 о высылке ксендзов Мечислава Табенского и Иосифа Држевинского в один из уездных городов Оренбургской губернии, где нет католиков, с установлением за ними полицейского надзора. Вещи, необходимые при совершении церковного богослужения, передавались Епархиальному Начальству¹⁶.

Однако выполнить данное распоряжение не представлялось возможным. 28 мая 1871 года Н. А. Крыжановский докладывал министру внутренних дел, что «во всех городах Оренбургской губернии проживают поляки, сосланные за политические преступления, только в городе Орске их находится меньше чем в прочих городах, именно там состоит на жительстве 1 рядовой из Царства Польского, 1 мещанин и 1 крестьянин из Ковенской губернии»¹⁷. В итоге 29 июля 1873 года ксендзам Иосифу Држевинскому и Мечиславу Табенскому было разрешено возвратиться на Родину.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 2-е. – Т. XXXVI. – Отд. 2-е. – № 37328.
2. ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXXVI. – Отд. 2-е. – № 37327.
3. ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXXVI. – Отд. 2-е. – № 37370.
4. ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XXXVIII. – Отд. 1-е. – № 39161.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 18. Д. 461. Л. 1.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 74. Л. 8 об.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 533. Л. 154.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 598. Л. 1.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 636. Л. 1.
10. Там же. Л. 9.
11. Там же. Л. 13–14.
12. Там же. Л. 25 об.
13. Там же. Л. 26.
14. Там же. Л. 28.

15. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 440. Л. 1 об.

16. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 636. Л. 41.

17. Там же. Л. 44.

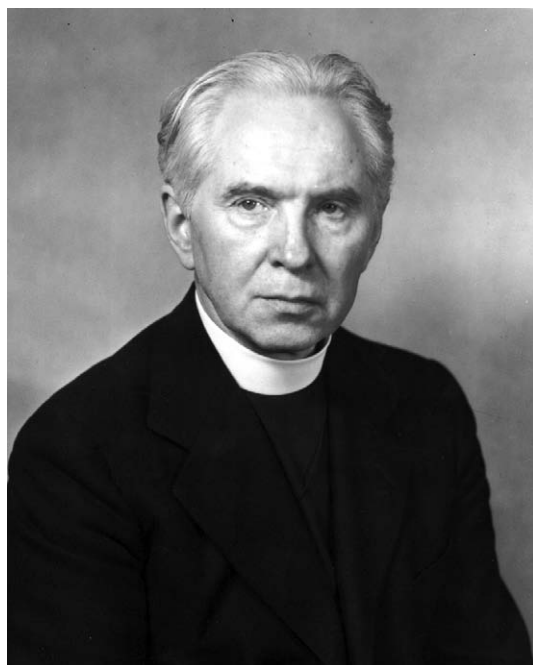
Денисов Д. Н. (г. Оренбург)

ПАПСКАЯ МИССИЯ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ В ОРЕНБУРЖЬЕ 1923 ГОДА

В 1921 году Советскую Россию поразил страшный голод, который был вызван жестокой засухой и неурожаем, а также практикой принудительного изъятия остатков хлеба у крестьянства в рамках политики военного коммунизма и продразвёрстки. В период своего пика голод охватывал 35 губерний страны в Южной Украине, Поволжье, на Урале, в Западной Сибири и частично в Казахстане. Здесь проживало 90 миллионов человек, из которых недоедало 40 миллионов. Общее число погибших от голода и его последствий составило 5 миллионов человек.

Несмотря на серьёзные идеологические, политические разногласия между капиталистическим Западом и коммунистической Россией, её бедственное положение вызвало в мире глубокое сочувствие и широкое международное движение по сбору средств и организации помощи голодающим. Разумеется, не могли оказаться в стороне от этой работы и религиозные организации, в том числе и Римско-Католическая Церковь как крупнейшая из них в мире.

5 августа 1921 года Папа Бенедикт XV обратился к дипломатам всех стран, аккредитованных при Святом Престоле, с призывом найти пути и средства для спасения голодающих в России. Вскоре, 5 сентября 1921 года он сам получил письмо с просьбой о помощи от Патриарха Московского и всея Руси Тихона. Такие же послания предстоятель Русской Православной Церкви направил восточным патриархам, архиепископу Кентерберийскому как первоиерарху Англиканской церкви, а также главе Епископальной церкви США. В декабре 1921 года через посредников Святой Престол предложил Советскому Правительству отправить в Россию католическую миссию помощи голодающим. Договор, определяющий основы её деятельности, был подписан уже при новом Папе Пие XI 12 марта 1922 года государственным секретарём Ватикана, кардиналом Пьетро Гаспарри (1852–1934) и

*Руководитель Папской миссии
помощи в России Эдмунд Уолш
(1885–1956)*

советским представителем в Италии, поляком Вацлавом Воровским (1871–1923). Директором Папской миссии помощи в России был назначен основатель и директор школы дипломатической службы при Джорджтаунском университете в Вашингтоне, американский иезуит Эдмунд Алоизиус Уолш (Edmund Aloysius Walsh) (10.10.1885–31.10.1956). В помощь ему Папская курия определила 12 представителей различных монашеских конгрегаций: 4 иезуитов, 3 салезианцев, 3 вербистов и 2 кларетинов. По национальной принадлежности состав миссии также был чрезвычайно разнообразным: 2 американца, 3 итальянца, 3 немца,

2 чехословака, 2 испанца и 1 грек.

Сам Э. Уолш в марте – апреле 1922 года для ознакомления с ситуацией на местах объехал российские регионы, наиболее пострадавшие от голода, и открыл в Москве центральный офис Папской миссии, после чего в мае вернулся в Рим для её организации и побывал в США для налаживания сотрудничества с Администрацией Американской Помощи (American Relief Administration, ARA). Наконец, 23 июля 1922 года он снова прибыл в Москву с двумя другими американскими иезуитами Джорджем А. Фарреллом и Луисом Дж. Галлагером. Между тем, 24 июля 11 других участников миссии на пароходе отплыли из итальянского порта Бари и 18 августа высадились в российской Феодосии, куда навстречу им приехал Э. Уолш. По просьбе советских властей папские посланники начали свою работу с организации помощи голодающим в Крыму. Уже 29 сентября 1922 года они открыли первую бесплатную столовую в Евпатории, где ежедневно получали горячее питание до 1 тысячи человек. В течение месяца они охватили весь Южный Крым, доведя число ежедневных детских обедов до 20 тысяч. К концу октября их деятельность распространилась

Члены Папской миссии помощи, иезуиты Дж. А. Фаррелл, Э. А. Уолш, Л. Дж. Галлагер. Москва. 1922 г.

на северную часть полуострова с базовым складом в Джанкое, что позволило кормить уже до 50 тысяч человек в день. Затем часть сотрудников миссии разъехалась в Москву, Ростов-на-Дону и Краснодар для открытия новых отделений. К концу 1922 года Папская миссия помощи в России развернула сеть из 269 бесплатных столовых, в которых получали питание 82 тысячи голодающих, в том числе: в Крыму – 50 тысяч, на Дону – 12 тысяч, на Кубани – 10 тысяч и в студенческих столовых Москвы – 10 тысяч.

В декабре 1922 года в российскую столицу прибыла делегация из Оренбургской губернии, которая попросила расширить католическую миссию и на этот регион, где сложилась особенно тяжёлая ситуация с нехваткой продовольствия. К декабрю 1922 года здесь насчитывалось 444786 голодающих, а к марту 1923 года – 577366. Только за период с 1 января по 1 ноября 1922 года в регионе умерло от недоедания 50 тысяч человек¹. Откликаясь на беду местного населения, 13 января 1923 года директор Эдмунд Уолш от лица своей организации обязал-

*Трупы умерших от голода, собранные за несколько декабрьских дней
1921 г. Бузулук*

ся обеспечить питанием в Оренбургском крае не менее 20 тысяч детей². 16 января два его сотрудника выехали из Москвы в Оренбург, а на пути в Самаре к ним присоединился третий. Следом, 25 января из столицы отправился на Южный Урал американский иезуит Луис Джозеф Галлагер (Louis Joseph Gallagher) (22.07.1885–08.1972), назначенный руководителем Оренбургского отделения Папской миссии помощи³.

По прибытии в Оренбург посланники понтифика столкнулись с огромными организационными сложностями и фронтом работ. Поначалу у них не было даже собственного помещения, и они были вынуждены целых 2 недели ночевать зимой в своём автомобиле. Правда, вскоре местная администрация выделила им здание под офис и жильё, но потребовался ещё месяц, чтобы отремонтировать его, обставить и нанять вспомогательный персонал.

Всё это время волонтеры не сидели без дела, а в ходе инспекционных поездок по региону знакомились с положением и нуждами населения. Местные власти попросили их сосредоточиться на оказании поддержки жителям Киргизской (Казахской) АССР, столицей кото-

рой был тогда Оренбург, поскольку в самой губернии уже успешно работали столовые АРА. По результатам обследования территории посланники Папы организовали 3 базисных склада в Акбулаке (ныне Акбулакского района Оренбургской области), Актюбинске и Джуруне (ныне Мугалжарского района Актюбинской области Казахстана), наладили железнодорожные поставки туда продовольствия, а с марта 1923 года на их основе раскинули широчайшую сеть пунктов питания.

*Руководитель Оренбургского
отделения Папской миссии помощи
Луис Галлагер (1885–1972)*

Всего к 1 мая 1923 года они открыли в Оренбургской губернии и Северном Казахстане 207 бесплатных столовых, обеспечивая едой 25430 человек (1872 взрослых и 23558 детей). В Акбулакском районе действовали 70 питательных пунктов на 5950 детей, в Актюбинском районе – 69 питательных пунктов на 9594 ребёнка, в Джурунском районе – 62 питательных пункта на 8014 детей. В самом Оренбурге были устроены 5 бесплатных столовых на 994 человека: для беженцев (370 человек), безработных (200 человек), инвалидов (119 человек), заключённых Арестного дома (33 человека) и учащихся сельскохозяйственной школы имени Середы (272 человека). Ещё один пункт питания для 32 студентов устроили при сельскохозяйственном училище в пос. Буртинский (ныне Беляевского района Оренбургской области). Кроме того, с 13 марта по 1 мая 1923 года дополнительно выдано 846 сухих пайков по спискам особо нуждающихся, составленных местными органами советской власти⁴. Всего за этот период через продовольственные пункты Папской миссии помощи в Оренбуржье было распределено: 160 тонн 657 кг муки, 95 тонн 649 кг крупы, 41 тонна 945 кг риса, 10 тонн 843 кг сала, 52935 банок консервированного молока, 6 тонн 112 кг какао и 21 тонна 976 кг сахара⁵.

По просьбе советских властей католическая благотворительная организация также взяла на себя обеспечение одеждой неимущих, и, прежде всего, сирот. За период с 15 марта по 21 апреля 1923 года было роздано в общей сложности 2643 комплекта одежды. В частности, 16 детских домов г. Оренбурга получили валенок, чулок, мужских кальсон, брюк и курток, женских панталон, рубашек и платьев на 880 воспитанников (403 мальчиков и 477 девочек)⁶.

К середине июня 1923 года Папская миссия помощи имела в Оренбуржье и Казахстане уже до 300 столовых, кормила ежедневно до 45 тысяч человек, обеспечила одеждой почти 9 тысяч нуждавшихся⁷. 20 июня 1923 года она закрыла свои столовые и свернула работу на Южном Урале в связи с выполнением задачи по преодолению последствий голода⁸. За неделю до отъезда из Оренбурга региональные директора Папской миссии помощи и АРА были приглашены на званый ужин в их честь, где присутствовало всё высшее руководство Казахской АССР, Оренбургской губернии и города. Оренбуржцы выразили глубокую, искреннюю признательность за помощь голодающим и вручили благодарственные адреса с золотым теснением представителям западных организаций⁹.

В целом за время своей деятельности в России, Папская миссия помощи, насчитывавшая 1700 служащих, организовала 701 бесплатную столовую, где ежедневно обеспечивала питанием от 125 до 158 тысяч человек. Только в период с 22 апреля 1922 года по 1 февраля 1923 года она распределила среди нуждавшихся 2446 тонн продовольствия, а общий объём папской помощи превысил 2 миллиона долларов (более 28,4 миллиона долларов по современному курсу)¹⁰.

В году тяжёлых испытаний, голода и массовой смертности своевременная помощь Католической Церкви помогла спасти в Советской России и в её Южно-Уральском регионе тысячи жизней самых незащищённых слоёв населения: детей-сирот, учащейся молодёжи, безработных. Поэтому благодарная память о членах Папской миссии навсегда останется в сердцах оренбуржцев.

Примечания:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 473. Л. 56, 132.
2. ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 238. Л. 73–74.
3. Gallagher J., s. j. With the Papal Relief Mission in Russia // *Studies: An Irish Quarterly Review*. – 1924. – Vol. 13. – № 49. – P. 45–55.

4. ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 660. Л. 20 об. – 21.
5. ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 473. Л. 39, 44.
6. ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 1013. Л. 35, 77, 79 об. – 80.
7. Gallagher J., s. j. With the Papal Relief Mission in Russia // Studies: An Irish Quarterly Review. – 1924. – Vol. 13. – № 49. – P. 62.
8. Космачёва Т. С. Деятельность европейских общественных организаций на Южном Урале во время голода 1921–1922 годов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 12 (150). – История. – Вып. 31. – С. 82.
9. Gallagher J., s. j. With the Papal Relief Mission in Russia // Studies: An Irish Quarterly Review. – 1924. – Vol. 13. – № 49. – P. 61.
10. Лиценбергер О. А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. – Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. – С. 224–226.

Слободенюк И. О. (г. Челябинск)

КАТОЛИЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ В ЧЕЛЯБИНСКОМ КРАЕ В XIX–XXI ВЕКАХ

Вопреки распространённому мнению, католичество на Южном Урале появилось не в конце XIX или середине XX веков. В конце XVIII века на Златоустовские заводы стали приглашать немецких мастеров – специалистов оружейного дела. В 1817 году они получили разрешение на строительство часовни и содержание постоянного священника. С этой поры и отсчитывается история католиков Челябинской области.

Постоянного священника златоустовский приход долгое время не имел. Освятивший в 1818 году часовню отец Анжерон, по-видимому, не задержался на заводе, затем временами приезжали к верующим о. Михаил Зеленко и некий бенедиктинец о. Колумбан Прейсс (по другой версии, Гёсс). Примерно с 1833 по 1844 годы приходом заведовал доминиканец Ошоклинский, но вокруг него постоянно возникали скандалы на почве неподобающего поведения (излишнее потребление алкоголя, недопустимое для иеромонаха общение с женщинами, финансовые махинации¹), и вместо него в Златоуст был назначен священник Франц Сандра из Могилёвской губернии. Однако Сандра не приехал в Златоуст, сказавшись больным и неспособным преодолеть такие расстояния в карете².

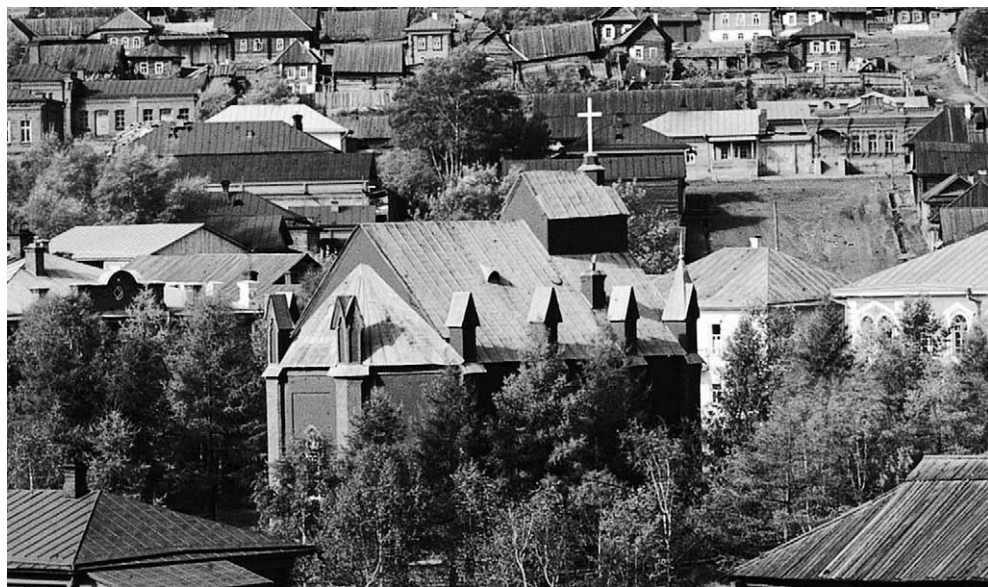
В 1845 году златоустовским куратором был назначен о. Франц Лавцевич. Сей пастырь также постарался увильнуть от назначения и даже

предъявил справку от врача, но консистория на этот раз не поверила на слово и отправила в его приход инспектора инкогнито. Согласно его донесению, отец Лавцевич пользуется отменным здоровьем, пастырские визиты по деревням любит совершать верхом. В итоге, как отец Лавцевич ни сопротивлялся назначению, как ни отодвигал отъезд, пришлось ему уехать в Златоуст – приставы усадили священника в карету и проследили, чтобы он покинул свой приход³.

Прослужил в Златоусте о. Франц Лавцевич 25 лет, после чего попросился на пенсию. Но за эти годы он успел организовать общину и построить однопрестольный красного кирпича храм во имя Пресвятой Троицы (в проповеди на заупокойной Мессе по о. Августину Янковскому, OSB, храм ошибочно назван именами святых Петра и Павла⁴), заложенный в 1864 году и достроенный в 1869 году⁵.

После Лавцевича священники менялись в Златоусте часто и с большими перерывами. Сменивший Лавцевича о. Дионизий Семашко подробно описал храм в рапортах, его преемник Иосиф Жук через пару лет после назначения получил викарием родного брата Доминика, а когда курата разбил паралич, братья поменялись должностями. Их сменил о. Антоний Матусевич, которому пришлось также заботиться о храме в Челябинске.

«В 1887 году в окрестностях Челябинска было «этапным путём», то есть как каторжники, с конвоем и в оковах, доставлено значительное

Костёл в Златоусте. 1909 г. (фото С. М. Прокудина-Горского)

число упорствующих униатов из Холма и Седльце и их губерний (сначала их сослали в Херсонскую губернию, но, поскольку они стойко сохраняли верность Унии, последовало переселение по этапу на Урал)»⁶. Все они нуждались в духовном руководстве и Таинствах. Священники из Златоуста и Оренбурга, а также ссыльные священники (подпольно) периодически посещали хуторян, но это было редкостью. А учитывая долгий период отсутствия в Златоусте постоянного священника и рост населения католического вероисповедания в регионе за счёт строительства Транссибирской магистрали, возникла острая необходимость в присутствии католического священника также и в Челябинске.

К 1897 году католики Челябинска и окрестностей сумели организовать и при поддержке златоустовского курата о. Антония Матусевича начали готовить почву для приглашения священника и строительства храма. Собрался комитет по постройке, было составлено официальное прошение в курию архиепископа-митрополита.

Так совпало, что в это время окрест Челябинска находился на отдыхе молодой католический священник из Польши о. Ян Жёлтовский. По официальной версии, отец Жёлтовский прибыл на Урал лечиться степным воздухом и кумысом и через пару лет кумысолечения в Оренбурге переехал к брату, отставному полковнику, жившему в имении под Челябинском. На самом же деле отец Жёлтовский был чрезвычайно неуживчив и неоднократно замечен в небрежном отношении к Таинствам и данным им обетам, по этой причине и был снят с должности и благословлён на длительный отпуск. Не будучи запрещён в служении, отец Ян помогал оренбургскому курату, от которого и узнал о зарождении прихода в Челябинске. Прибыв в город и представившись общине, 36-летний священник поначалу очень понравился челябинским католикам. Отцу Жёлтовскому было предложено войти в комитет по постройке храма и даже возглавить его, но священник отказался, сказав, что не желает мешать комитету и влиять на него.

Весной 1898 года было получено разрешение митрополита на строительство храма, а также собраны некоторые средства на строительство, немногим более 1 200 рублей. Здесь отец Жёлтовский и вмешался. Присмотревшись к прихожанам и разобравшись в ситуации, он быстро собрал свой комитет, а прежний объявил недействительным. 22 мая он подал прошение митрополиту и приложил к нему протокол об избрании челябинскими католиками уполномоченного комитета

по постройке церкви⁷. Одновременно с этим к митрополиту обратился первый комитет, поддержанный многими прихожанами. Пока церковные власти в Петербурге пытались разобраться в этих перипетиях, отец Жёлтовский созвал новый комитет и подыскал подходящий проект. Его действия были восприняты одной частью общины в штыки, другая же пребывала в недоумении, не вполне разбираясь в происходящем. В результате внутреннего расследования отцу Жёлтовскому было велено выехать из Челябинска, а вскоре он и вовсе был запрещён в служении. Однако за полгода пребывания в Челябинске ему удалось утвердить проект храма в строительной комиссии и получить одобрение оренбургского губернатора; а когда община возмутилась – знакомый священнику польский архитектор создал очень красивый, но очень дорогой проект, эта церковь стоила бы общине более 55 000 рублей, – отец Жёлтовский просто-напросто взял деньги из церковной кассы и выстроил себе дом, в котором большой зал был более-менее приспособлен для богослужений⁸.

Около 4 лет челябинские католики находились в прежнем состоянии – несколько раз в год приезжал священник из Златоуста, служил Мессу, исповедовал, крестил, отпевал. И только в 1902 году был назначен в Челябинск постоянный священник – о. Фома Пашкевич.

И почти сразу челябинские католики получили возможность убедиться – этот священник живёт, как говорит, да ещё и активно живёт. Согласно рапорту златоустовского курата отца Гродзицкого (написанному, кстати, как отзыв на отца Пашкевича в связи с участвовавшими доносами), приехав в Челябинск, о. Фома Пашкевич немедленно отремонтировал молитвенный дом, покрасил его, поставил палисадник, обшил крышу, перестроил часовню, купил за свой счёт новые алтарные образы – Святейшего Сердца Иисуса и Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, поставил новые алтари (главный и боковой), воздвиг колокольню, купил колокола, построил дом-интернат⁹.

Именно при отце Пашкевиче в Челябинск в 1909 году прибыли сёстры-монахини конгрегации дочерей Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии¹⁰. Были они монахинями в подполье, одеждой не отличаясь от других женщин, работали учительницами и кухарками. Кроме священника, сёстрам помогали семьи прихожан. Поэтому довольно быстро был построен дом, в котором сёстры открыли 1 декабря 1910 года частное смешанное 3-го разряда училище с трёхгодичным курсом обучения, находившееся в ведении инспектора народных училищ Челябинского района. «На момент обследования в нём чис-

лился 1 класс в 3 отделениях, в котором обучалось 50 человек (20 мальчиков и 30 девочек). Плата за обучение составляла 9 рублей в год. Однако платили за обучение в полном объёме немногие. За декабрь 1910 года было собрано за обучение только 35 рублей. При училище имелось общежитие, в связи с чем в его здании располагался не только класс для занятий, но 2 спальни и столовая. Общежитием пользовались 15 детей»¹¹. В доме, где жили сами сёстры, часто останавливались прихожане, приезжавшие с хуторов на воскресные богослужения. Сёстры вели занятия по катехизису, готовили детей к принятию Таинств¹².

В 1906 году, отвечая на прошение отца Пашкевича и прихожан, МВД «признавало бы возможность изъявить согласие на учреждение нового римско-католического прихода в Челябинске при условии отнесения всех расходов по содержанию прихода на средства местных прихожан»¹³, однако в то время архиепископская кафедра была вакантной, и пришлось ждать. Отец Пашкевич повторит попытку в декабре 1908 года и добьётся успеха. Епископ Иоанн Цепляк, посетивший с визитацией в 1909 году все приходы Урала, Сибири и Дальнего Востока, настоит на строительстве церкви, а на обратном пути 29 августа 1909 года заложит краеугольный камень храма¹⁴. И уже через месяц, 30 сентября будет дано разрешение министра внутренних дел «на учреждение при Челябинском римско-католическом молитвенном доме самостоятельного прихода на средства местных прихожан». А 10 декабря архиепископ учредит челябинский приход и назначит о. Фому Пашкевича его первым настоятелем¹⁵.

Новый храм строился не только на средства местных прихожан, но и при поддержке католиков из Польши, ведь проект был дорогостоящим. Скорее всего, строительство храма было завершено к лету 1914 года. Документального подтверждения этой версии пока не обнаружено. Однако уже достоверно известно, что мнение прежних описателей истории католичества в Челябинске, будто бы храм был освящён в честь Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, не соответствует действительности. Благодаря архивным документам мы теперь знаем, что церковь была освящена во имя Святейшего Сердца Иисуса¹⁶.

Это была великолепная неоготическая церковь, построенная из лекального красного кирпича с элементами декора из белого цемента. «Храм был виден издали. Две башенки-звонницы, увенчанные шатровыми крышами, уходили ввысь, завершаясь крестами на голубых сферах. Увеличенные размеры стенных проёмов придавали башням

Католический храм в Челябинске (из книги «Старый Челябинск в открытках и фотографиях. – Челябинск: Каменный пояс, 2008»)

лёгкость и стройность. Между башнями на верху фигурного готического фронтона помещалась статуя ангела. Изрезанный узкими стрельчатыми окнами, храм с величественным видом красновато-коричневой кирпичной пирамидой возвышался над окружающими строениями. Богатый, мастерски прорисованный кирпичный декор и прочее скульптурное убранство придавали храму красоту, своеобразие и большую праздничность. Неброский портал западного фасада, над которым помещалось круглое узорчатое окно-роза, открывал вход в храм. Огромный интерьер освещался светом витражей, заполняющим окон-

ные проёмы. Песнопение во время церковного богослужения шло в сопровождении органа»¹⁷, который был куплен отцом Пашкевичем в 1911 году в рижской фирме «Мартин и сыновья»¹⁸.

Летом 1914 года началась Первая мировая война, и вглубь страны хлынул поток беженцев из западных губерний. Среди них было очень много католиков и тайных греко-католиков, многие из них остались в Челябинске и окрестностях. Так, в Троицке образовалась целая община, которая уже год спустя построила часовню¹⁹ (переоборудованную в советское время под жилой дом) и получила постоянного священника, о. Адольфа Ромецкого, которого позднее иногда заменял о. Юлиан Лосевский.

О челябинском храме позднее вспоминал о. Францишек Ястжембский, который, будучи семинаристом, прошёл курсы санитаров согласно полученному архиепископом Бильчевским разрешению для семинаристов. Группа Ястжембского попала в плен и была сослана в Сибирь. «Во время поездки на больших станциях семинаристы запасались хлебом и водой. В Челябинске поезд стоял довольно долго, и семинаристы пошли в центр города, ища католический храм. В храме как раз шло богослужение и присутствовало много прихожан. Семинаристы встретились в храме с настоятелем и рассказали ему о своей судьбе. Настоятель сообщил об этом своим прихожанам, и они после богослужения принесли на вокзал всё, что могли, одежду и продукты. Вскоре поезд увёз благодарных семинаристов в Томск, к месту их ссылки»²⁰.

В годы Гражданской войны в приходе работали ещё два священника – о. Францишек Грабовский и о. Юлиан Лосевский. Первый был выслан из Уфы, а в 1921 году расстрелян красными под Томском. Второй служил в качестве военного капеллана польским legionерам из армии Колчака и ушёл с ними. А вот отца Пашкевича в 1919 году арестовали вместе с ещё 22 прихожанами и приговорили к расстрелу за участие в деятельности контрреволюционной военной польской организации. Однако им неслыханно повезло – в силу амнистии в честь 3-й годовщины революции все были выпущены из тюрьмы и концлагеря²¹.

Отец Фома Пашкевич мужественно прослужил в Челябинске до декабря 1921 года и выехал в Литву, сдав дела отцу Франциску Будрису. Тот через несколько месяцев передал храм приехавшему из Ташкента отцу Леону Тучко. Но Тучко вскоре умер от тифа, и на его место был назначен отец Иосиф Сенвайтис.

Отец Иосиф Сенвайтис и стал последним настоятелем челябинского католического прихода Святейшего Сердца Иисуса. При нём советские власти подняли налог на храм до 170 рублей, что сделало невозможным оплату отопления в храме. Отец Иосиф был арестован в 1931 году и приговорён к 5 годам ссылки, годом позже он погиб в новосибирской тюрьме²². Церковь в 1931 году была занята под общежитие рабочих, официально закрыта 19 июля 1932 года²³, предполагалась в передаче под клуб пионеров, но была в 1934 году передана Челябстрою. В 1935 году Челябинский Горсовет принял решение о строительстве делового клуба работников народного хозяйства. Чтобы построить клуб, было решено снести храм, приходской дом и бывшую школу-интернат, уже давно служившую обычной советской школой (эту школу просто перенесли в другое место, построив новое здание).

Точной даты сноса в архивах и воспоминаниях не сохранилось, однако есть интересное свидетельство о Рышарда Чеслава Грабски, который был арестован в 1940 году, а в мае 1941 года вывозился в Сибирь через Челябинск. Здесь пришлось 18 часов ждать поезда, и группа поляков отправилась посмотреть город – они знали, что в Челябинск при царе ссылались многие католики-поляки. В центре города

*Католический храм и школа Челябинска в конце 1920-х гг.
(из книги «Челябинская обл. в фотографиях. Т. 2. – Челябинск:
Каменный пояс, 2001»)*

они увидели красивое большое здание, похожее на католическую церковь. Спросив местную уже пожилую женщину, они услышали в ответ: «Это театр, бывший костёл»²⁴.

Схожей была судьба и златоустовского храма. Он был отнят у верующих в 1924 году, отдан под архив, но здание уже было в плохом состоянии, и в 1928 году его снесли²⁵.

Но уничтожением прекрасных храмовых зданий не обошлось. По некоторым сведениям, некоторые из активных челябинских католиков были репрессированы в 1937–1938 годы по национальному или религиозному признаку и покоятся ныне в Золотой горе вместе с десятками тысяч других жертв сталинизма. Таким образом, к началу Второй мировой войны челябинская община католиков была окончательно уничтожена советской властью.

28 августа 1941 года была ликвидирована Автономная Республика немцев Поволжья, и произведена тотальная депортация её жителей. С этого трагического момента в жизни российских немцев и самой России начался новый этап истории католиков Южного Урала. Один из лагерей Бакаллага находился на территории нынешнего Metallургического района, трудармейцы жили в ужасных условиях, был велик уровень смертности. Старожилы общины вспоминали, что среди челябинских узников лагерей Трудармии были и католические священники, тайно помогавшие других заключённых Таинствами и словами утешения. Называлось, например, имя некоего отца Франца Фризе-на.

Период 1940–1950-х годов проходит полностью под тенью колючей проволоки. В одной из больниц города лечился некоторое время заключённый о. Владислав Буковинский, впоследствии духовный наставник епископа Иосифа Верта²⁶. В челябинской тюрьме в разное время находились известная монахиня-стигматичка из Польши сестра Ванда Бонишевска²⁷, её духовник о. Антоний Зомбек, блаженный о. Алексей Зарицкий и другие. В 1949 году на 25 лет был осуждён мрянин Александр Мерц, собиравший в своём доме верующих на молитву. После смерти Сталина на волне всеобщих реабилитаций он вышел из заключения, но здоровьем был уже слаб и вскоре скончался.

В 1960-е годы челябинских католиков навещали в своих поездках разные священники. К сожалению, их имена не сохранились, времена были такие, что опасно было называть имя-фамилию, многие скрывались под псевдонимами (блаженный о. Алексей Зарицкий, например,

назывался отцом Александром), и мы можем лишь предполагать, кто это был. В 1970-е годы Челябинск стал уже постоянным пунктом в поездках о. Альбинаса Думбляускаса из Караганды, а также о. Александра Беня и о. Иосифа Свидницкого. Эти же пастыри окормляли католиков Челябинска и в 80-е годы. Причём о. Иосиф Свидницкий сумел организовать приходской совет, который подал заявку на регистрацию (и получил её в 1983 году), и найти деньги на покупку дома²⁸. Этот удивительный пастырь был настолько энергичен, что успевал служить для католиков Средней Азии, Сибири, Урала и даже Кавказа – чрезвычайно обширна была география его пастырских поездок! За такую активность в проповеди Евангелия о. Иосиф пострадал по всей строгости советского закона, отсидев 3 года за «антисоветскую пропаганду»²⁹.

И именно отцу Иосифу Свидницкому челябинская община обязана своими первыми постоянными священниками. Приехав в 1990 году в отпуск в Душанбе, отец Вильгельм Палеш из ГДР узнал, что может навестить католиков Челябинска. Священник из Германии пришёлся по душе бабушкам-немкам, да и ему в Челябинске понравилось. Приехал на Рождество, потом ещё и ещё. Через 2 года епископ Ванке отпустил отца Вильгельма в Россию, а епископ Верт назначил его настоятелем прихода в Челябинске. И спустя всего пару лет началось строительство храма для будущих поколений христиан латинского обряда на Южном Урале. К отцу Вильгельму присоединились отец Райнгард Франица, отец Петер Даниш, отец Луциан Герман. К середине 2000-х годов в Челябинске остались лишь отцы Вильгельм Палеш и Райнгард Франица, остальные получили назначения в другие приходы.

В середине 1990-х годов были организованы общины верующих по области – Магнитогорск, Миасс, Златоуст, Копейск, Коркино, Старокамьшинск, Ясные поляны, Шишминка, Барсучье и т. д. Появилось два греко-католических прихода – в Челябинске и в Копейске.

В то же время община перестаёт быть мононациональной. Большая часть пожилых прихожан из числа бывших трудармейцев переехала в Германию, и в храм пришли новые люди самых разных национальностей.

Новый челябинский храм Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии строился 5 лет и был освящён 15 августа 1999 года. Выстроен он по проекту архитектора Франца Везингера при участии челябинских специалистов и являет собой причудливую смесь готики и модер-

на, при которой храм обрёл внешне форму большого кристалла, а внутренне реализовал идею автора о Церкви как о Божьей семье – верующие собираются вокруг алтаря, подчёркивая единство общины и исключительное внимание Евхаристической Жертве. Господин Везингер предложил три варианта храма – большой, средний, малый. Считается, что изначально община склонялась к большому (на 1 000 мест) варианту, но епископ Верт, трезво оценивая ситуацию, настоял на более скромном (на 350 мест) проекте. По плану храм вмещал не только большой богослужебный зал, Евхаристическую часовню, но и офисные помещения, в том числе в цокольном этаже (для чего проект храма был изменён – цоколь в чертежах подняли на 1,5 м). Также

Современная католическая церковь в Челябинске

была воплощена экспромтная идея отца Райнгарда – верхние этажи башни-колокольни (4–6) стали жилыми, на 4-м и 6-м этажах были размещены четыре двухкомнатные квартиры для священников, а на 5-м – их же кухня и столовая.

Ещё в годы строительства церкви в приходе была развёрнута активная благотворительная деятельность – начала свою работу приходская «Каритас». В настоящее время эта организация поддерживает 4 проекта: материнская обитель для женщин в сложной ситуации, детский клуб, патронажная служба, социальная столовая.

При непосредственном участии священников в приходе появилась небольшая община церковного движения фоколяров. Начиная с 2008 года приход неизменно участвовал в общественно-политическом вернисаже ко дню города.

Не была забыта и память мучеников сталинизма: на территории церкви в 2004 году был открыт памятник трудармейцам – фигура воскресшего Христа в обрамлении тернового венца, в основание алтаря у памятника был помещён ковчежец с останками Неизвестного Трудармейца.

В 2010 году произошла плановая смена священников – о. Вильгельм Палеш уехал на родину, окормлять больных и помогать местным настоятелям, а о. Райнгард Франица отправился настоятелем в приход Элисты, где и скончался 19 декабря того же года. Им на смену пришли молодые о. Маркус Новотни (прежде администратор высшей духовной семинарии в Санкт-Петербурге, а ныне викарий в Самаре) и о. Григорий Федосеев (экс-викарий в Екатеринбурге, а ныне настоятель в Омске). Ещё через 3 года в челябинский приход были назначены: настоятелем – о. Андрей Ферко, викарием – о. Георгий Мецлер.

На осень 2014 года челябинский приход насчитывает порядка 250 прихожан непосредственно в Челябинске и ещё около 200 по области. По статистике, озвученной настоятелем на празднике годовщины освящения храма, за последние 15 лет крещено 502 человека, 99 пар заключили церковный брак, к первому Причастию приступили 235 человек и 272 миропомазаны.

Примечания:

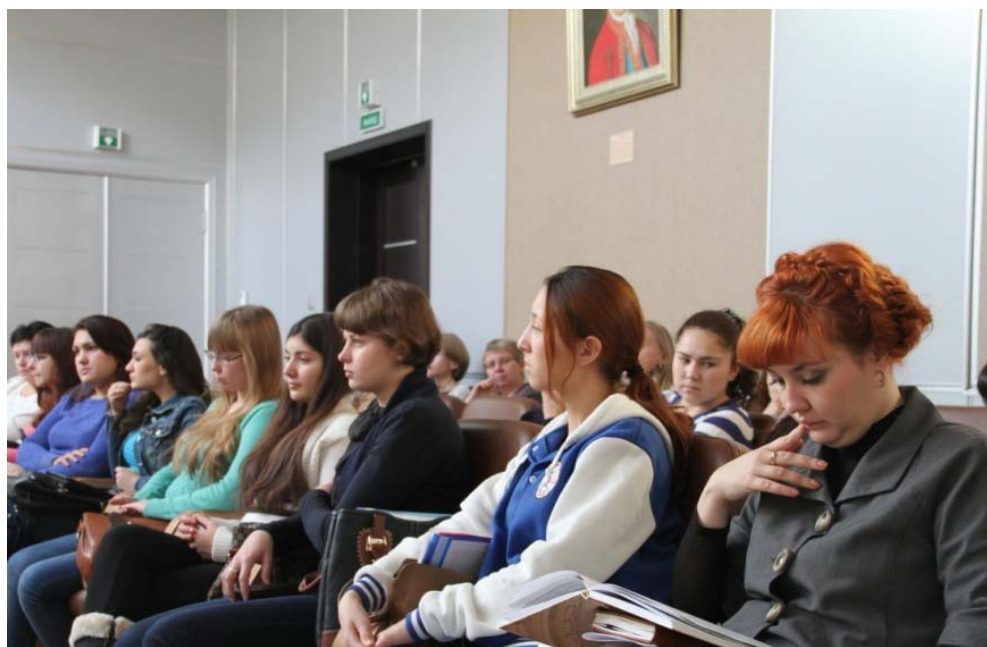
1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 822. Оп. 2. Д. 9433. Л. 1.
2. Там же. Л. 3, 8.

3. Там же. Л. 18, 32–33.
4. O. Augustyn Jankowski: Ten dzien pamietam dobrze... [Электронный ресурс]. URL: http://www.bu.kul.pl/o-augustyn-jankowski-osb-1916-2005-sylwetka,art_11165.html (дата обращения: 17.11.2014).
5. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 128. Л. 195–198 об.
6. Козлов-Струтинский С. Г., Парфентьев П. А. История Католической Церкви в России. – СПб.; Царское Село: Белый камень, 2014. – С. 218.
7. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1102. Л. 1–1 об.
8. Там же. Л. 14–16 об.
9. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1343. Л. 54–56 об.
10. Zakrzewska Maria Daniela Kinga, s., CSM. Historia zgromadzenia corek Serca Maryi. – Nowe Miasto n/Pilica, 1960–1968. – S. 230.
11. Боже В. С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. – Челябинск, 2006. – Т. 1. – С. 44.
12. Nieweglowska Genowefa, s. Zgromadzenie Siostr Corek Najczystszego Serca NMP na Syberii [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bialystok.opoka.org.pl/czas/arch34/art/misje.htm> (дата обращения: 17.11.2014).
13. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1102. Л. 105.
14. Paszkiewicz T., ks. Odezwa z Syberyi, 1911.
15. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1102. Л. 128–130.
16. Там же. Л. 178.
17. Уткин С. Быль старого Челябинска // Вечерний Челябинск. – 1988. – 23 сентября. – № 219 (5978).
18. Органная музыка, как и молитва, – беседа с Всевышним» (интервью с челябинским органистом В. В. Хомяковым) [Электронный ресурс]. URL: <http://mediazavod.ru/articles/83766> (дата обращения: 17.11.2014).
19. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2269. Л. 2.
20. Wspomnienie z zycia ks. Franciszka Jastrzebskiego 1890–1962 (obszerne fragmenty) [Электронный ресурс]. URL: <http://kresowianiezkuropatnik.republika.pl/wspomnienieks.html#6> (дата обращения: 17.11.2014).
21. Объединённый государственный архив Челябинской области. (ОГАЧО). Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 2378. Л. 195.
22. Gosc Niedzielny. – 1933. – № 47. – S. 567.
23. ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 212. Л. 130.
24. Grabski Ryszard Czeslaw, o. Gdyby nie Opatrzność Boża... : wspomnienia zeslanca 1940–1955. – Paris: Editions Spotkania, 1985. – S. 64.
25. Пролетарская мысль. – 1928. – 21 июня.
26. Буковинский В. Воспоминания отца Владислава Буковинского / пер. с пол. М. Шмидтляйн. – М.: Центр по изучению религий, 2000. – С. 10.
27. Pyszmont Jan, ks. Ukryta stygmatyczka. – Szczecinek: Fundacja Nasza Przyszłość, 2004. – S. 86.
28. Свидницкий И. Воспоминания узника. – Омск: [Б. и.], 2003. – С. 68.
29. Там же. – С. 88.

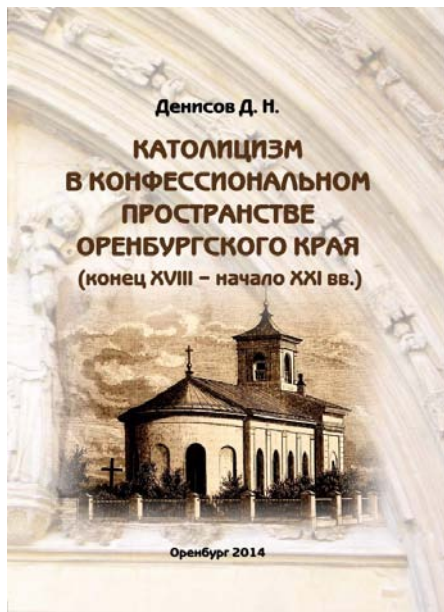
**Круглый стол «Католицизм в конфессиональном пространстве
Уральского региона», посвящённый 170-летию издания указа
о постройке католического собора г. Оренбурга
(28 ноября 2014 г., г. Оренбург)**

*Вступительное слово доктора исторических наук, профессора,
директора НИИ истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета В.В. Амелина*

Участники заседания круглого стола

Презентация монографии Д.Н. Денисова «Католицизм в конфессиональном пространстве Оренбургского края (конец XVIII – начало XXI вв.)»

Выступление настоятеля прихода Пресвятой Богородицы Лоретанской г. Оренбурга о. Вальдемара Важиньски

Доклад кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета Д.Н. Денисова

Доклад кандидата исторических наук, доцента кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета В.Г. Семёнова

Доклад кандидата философских наук, доцента кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета М.В. Лутцева

Участники круглого стола из Оренбургской духовной семинарии: проректор по учебной работе иерей В. Татусь, проректор по воспитательной работе иерей П. Панов, преподаватель С.В. Мячин

Участники круглого стола: о. П. Юрковски с католическими монахинями

*Участники круглого стола: о. В. Важиньски, о. В. Татусь,
Д.Н. Денисов, В.В. Амелин, о. З. Генец*

Учасники засідання круглого стола

*Приход Пресвятой Богородицы Лоретанской
Римско-католической Церкви в г. Оренбурге*

Сведения об авторах

Васильева Мария Александровна – ведущий архивист отдела информации и публикации документов Государственного архива Оренбургской области (г. Оренбург).

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Семёнов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Лиценбергер Ольга Андреевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Саратов).

Лутцев Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Мишучков Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Управления научных исследований Оренбургского государственного университета, докторант РУДН по кафедре истории философии (г. Оренбург).

Слободенюк Иван Олегович – аспирант Челябинского государственного университета, пресс-секретарь и церемониарий римско-католического прихода Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии (г. Челябинск).

Четвериков Сергей Алексеевич – аспирант НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Содержание

<i>Лиценбергер О. А. (г. Саратов)</i> Участие католиков в социально-экономической, политической и культурной жизни России: исторический аспект	3
<i>Лутцев М. В. (г. Оренбург)</i> Противостояние (к вопросу об отношениях Русского государства и Католической Церкви на протяжении истории)	11
<i>Злобин Ю. П. (г. Оренбург)</i> Губернатор И. Л. Дебу как исследователь Оренбургского края	30
<i>Семёнов В. Г. (г. Оренбург)</i> Начальник штаба отдельного Оренбургского корпуса – генерал-майор Фантон де Веррайон Михаил Львович	40
<i>Мишучков А. А. (г. Оренбург)</i> Нищелюбие есть подражание Христу: Кандид Зеленко – настоятель храма Лоретанской Божией Матери г. Оренбурга	46
<i>Васильева М. А. (г. Оренбург)</i> Вклад И. А. Кастанье в изучение Оренбургской губернии (по документам фонда Оренбургской учёной архивной комиссии)	58
<i>Четвериков С. А. (г. Оренбург)</i> Ссылные польские ксендзы в Верхнеуральске (1869–1871 годы)	65
<i>Денисов Д. Н. (г. Оренбург)</i> Папская миссия помощи голодающим в Оренбуржье 1922 года	70
<i>Слободенюк И. О. (г. Челябинск)</i> Католические общины в Челябинском крае в XIX–XXI веках	76
Сведения об авторах	97

Научное издание

**КАТОЛИЦИЗМ
В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

Материалы

*Межрегионального круглого стола,
посвящённого 170-летию издания указа
о постройке католического собора в г. Оренбурге*

ISBN 978-5-4417-0567-7

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 5,75. Тираж 200. Заказ 149.

Подписано в печать 15.10.2015 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26

ТЫ УЧИЛ НАС
БОЖЬЕ БЛАГОДАРИМ ТВОЕ
МОДИСЬ О НАС